Sla

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

И. С. АКСАКОВА

(† 27-го Января 1886 года.)

съ

Портретомъ Автора.

Изданіе второе, безъ перемѣнъ.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова (быв. М. Н. Лаврова),
Леонт. пер., домъ Лаврова.
1886.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

И. С. АКСАКОВА.

СБОРНИКЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ

И. С. АКСАКОВА

(† 27-го Января, 1886 года.)

съ

Портретомъ Автора.

Изданіе второе, безъ перемѣнъ.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, (быв. М. Н. Лаврова),
Леонт. пер., домъ Лаврова.
1886.

Пророкъ.

На встрѣчу вѣщаго пророка
И съ нимъ грядущаго суда,—
Еще въ ночи,· еще востока
Дрожала яркая звѣзда,—
Онъ вышелъ, градъ покинувъ сонный,
Не взявъ ни пищи, ни одеждъ,
Въ тоскѣ святой, неугомонной,
Свершенья чающей надеждъ!
Кругомъ лишь темь, да влага ночи,
Не скоро свѣтлый день взойдетъ...
Но онъ, во мракъ вонзая очи,
Стоитъ и ждетъ; стоитъ и ждетъ.

И мыслитъ: «Чаемый, молимый
День наступаетъ. Близокъ срокъ.
Узрю тебя, досоль гонимый,
Но нынѣ судящій пророкъ!
Не призракъ ты: съ костьми и кровью,
Какъ мы, въ плоти идешь ты къ намъ...
Съ какимъ стенаньемъ и любовью

Пророкъ.

На встрѣчу вѣщаго пророка
И съ нимъ грядущаго суда,—
Еще въ ночи́,—еще востока
Дрожала яркая звѣзда,—
Онъ вышелъ, градъ покинувъ сонный,
Не взявъ ни пищи, ни одеждъ,
Въ тоскѣ святой, неугомонной,
Свершенья чающей надеждъ!
Кругомъ лишь темь, да влага ночи,
Не скоро свѣтлый день взойдетъ...
Но онъ, во мракъ вонзая очи,
Стоитъ и ждетъ; стоитъ и ждетъ.

И мыслитъ: «Чаемый, молимый
День наступаетъ. Близокъ срокъ.
Узрю тебя, досель гонимый,
Но нынѣ судящій пророкъ!
Не призракъ ты: съ костьми и кровью,
Какъ мы, въ плоти́ идешь ты къ намъ...
Съ какимъ стенаньемъ и любовью

Я припаду къ твоимъ ногамъ!
И все, что въ эти дни и годы
Терзаній, мукъ извѣдалъ я,
Все въ этотъ мигъ, пророкъ свободы,
Благословитъ душа моя!
Какое утро міру встанетъ!
Какая вѣра вспыхнетъ въ немъ!
Съ какимъ позоромъ зло отпрянетъ
Передъ святымъ твоимъ челомъ!
Свершишь ты жертвы очищенья,—
И въ жизнь одѣнутся слова:
Освобожденья, обновленья,
Любви и правды торжества!...

Оттуда путь ему, съ востока...
Придетъ, смиренъ и могучъ,
Подъ пыльнымъ рубищемъ пророка
Скрывая слова острый лучъ!
О, эту пыль одежды бѣдной
Какъ я слезами орошу!
Какою праздничной, побѣдной
Я пѣснью воздухъ оглашу!
Но близко, Боже!... Нынѣ, нынѣ!...
Вся кровь отхлынула въ груди;
Ужасенъ Ты въ своей святынѣ,
Великій Богъ!...

Гряди, гряди,
О, жизни новое начало,
О царства новаго разсвѣтъ!...

Заря пылаетъ. Солнце встало,
Проснулся долъ. Пророка нѣтъ.

— «Нѣтъ! но придетъ онъ въ срокѣ скоромъ,
Я вѣрю, знаю—онъ придетъ!»

И смотритъ, даль пытая взоромъ...
Смѣнился день. Пророкъ нейдетъ.
Но, сердцемъ скорбь принявъ покорнымъ,
Онъ все зоветъ, онъ все глядитъ;
Все тѣмъ-же гордымъ и упорнымъ
Въ немъ вѣра пламенемъ горитъ.
И дни бѣгутъ,—за днями годы
Неудержимой чередой;
Надъ нимъ бушуютъ непогоды,
Его сжигаетъ солнца зной;
Онъ мигъ за мигомъ время мѣритъ,
Мольбу призывную твердя,
И съ каждымъ мигомъ ждетъ и вѣритъ,
Очей съ востока не сводя.

И лѣтъ несчетныхъ рядъ промчался...
Онъ старцемъ сталъ. Отъ мужа силъ
Одинъ лишь остовъ воздвигался.
Какъ тѣнь, какъ выходецъ могилъ,
Снѣдаемъ тайною тоскою—
Видали странники—порой
Дрожащей, старческой рукою
Онъ тусклый взоръ прикроетъ свой.
Но вѣры пламенной гордыни
Душа не свергнула его:
Стоитъ до днесь онъ средь пустыни
И ждетъ пророка своего!

Безумецъ! страстными мольбами
Вотще зовешь пророка ты!

Давно онъ ходитъ между вами,
Но скрыты вамъ его черты.
Какъ знать—съ полудня ль, иль съ востока,
Въ началѣ-ль дня, или въ концѣ,—
Но онъ не въ рубищѣ пророка,
Пришелъ не въ царственномъ вѣнцѣ!
И рѣчь его не йдетъ мимо,
И правитъ царство онъ свое
И міра нашего незримо
Преображаетъ бытіе!...
Когда ты къ встрѣчѣ насъ готовилъ,
Онъ близь тебя, съ тобою былъ;
Когда ты пѣлъ и славословилъ,
Не онъ ли пѣснь тебѣ внушилъ?
Когда ты ждалъ зари начала,
Чтобъ новой жизни встрѣтить день—
Ужъ цѣлый вѣкъ заря пылала,
Ночи вѣковъ сгоняя тѣнь!

Взгляни назадъ. Смотри: въ то время,
Пока ты взоръ стремилъ впередъ,
Взошло посѣянное сѣмя,—
Не тѣ ужъ люди, міръ не тотъ!
Безумецъ! тайный ходъ творенья
Какъ подстеречь и уловить,
Въ предѣлы зыбкіе мгновенья
Жизнь міра вѣчную втѣснить?
А ты хотѣлъ чертой отмѣтить
Начало новыхъ, лучшихъ дней
И пѣснь пропѣть, и громко встрѣтить,
Упиться радостью своей!...
Нѣтъ! вѣрь, кто Божье слово сѣетъ,
Что, какъ древесное зерно,

Оно не слышно, тихо зрѣетъ,
И всходитъ медленно оно,
И туго стебель подымаетъ,
Пока корней живой объемъ
Охватитъ міръ... Но міръ не знаетъ,
Какая сила зрѣетъ въ немъ.

На Дунай!

На Дунай! туда, гдѣ новой славы,
Славы чистой свѣтитъ намъ звѣзда,
Гдѣ на пиръ мы позваны кровавый,
Гдѣ, на споръ взирая величавый,
Цѣлый міръ ждетъ Божьяго Суда!

Чудный мигъ! мигъ строгій и суровый!
Тамъ, въ бою сшибаясь роковомъ,
Стонутъ царствъ могучія основы,
Старый міръ объ міръ крушится новый,
Ходятъ тѣни вѣщія кругомъ.

И вѣка надъ ратными полками
Грозными видѣньями встаютъ,
Мрачными глядятъ на нихъ очами,
Держатъ свитки длинные руками,—
Къ страшному отвѣту ихъ зовутъ.

Тамъ, сквозь пылъ и стоны, и рыданье,
Гулъ и громъ тревоги боевой,
Чьихъ-то крылій слышно трепетанье,
Чье-то дышетъ мѣрное дыханье,
Чья-то длань простерлась надъ землей!

На Дунай! что медлишь ты напрасно?
Слыша силъ властительный призывъ,
Подвиговъ у Бога ежечасно
Ты просилъ... Мгновеніе прекрасно;
Подвигъ святъ, и праведенъ порывъ!

О, туда! Отрадно на просторѣ
Тамъ вздохнуть средь жизни міровой,
Въ горѣ всѣхъ—свое растратить горе,
Въ счастьѣ всѣхъ—исчезнуть будто въ морѣ,
Хода дней не слышать надъ собой...

Въ общей жизни—жизнью потеряться,
Въ общемъ дѣлѣ—свято послужить:
Днямъ такимъ ужъ вновь не возвращаться.
На Дунай! Что медлить? чѣмъ смущаться?
Разъ одинъ дается въ мірѣ жить.

Такъ проси-жъ у Бога силъ небесныхъ,
Все для дня великаго забудь,
Весь зажгись огнемъ восторговъ честныхъ,
Межъ рабочихъ темныхъ и безвѣстныхъ
Ты вездѣ рабочимъ добрымъ будь!

Смотри! толпа людей нахмурившись стоитъ.

Смотри! толпа людей нахмурившись стоитъ:
Какой печальный взоръ! какой здоровый видъ!
Какимъ страданіемъ томяся неизвѣстнымъ,
Съ душой мечтательной и тѣломъ полновѣснымъ,
Они рѣчь умную, но праздную ведутъ;
О жизни мудрствуютъ, но жизнью не живутъ
И тратятъ свой досугъ лѣниво и безплодно,
Всему сочувствовать умѣя благородно!

Ужели племя ихъ добра не принесетъ?
Досада тайная меня подчасъ беретъ,
И хочется мнѣ имъ, взамѣнъ досужей скуки,
Дать заступъ и соху, топоръ желѣзный въ руки,
И, толки прекратя объ участи людской,
Работниковъ изъ нихъ составить полкъ лихой.

На новый 1858 годъ.

День встаетъ, багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна.

Такъ торжественно прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы
Ни вражды, ни мести нѣтъ.

Все проститъ онъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ, —
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ

Слышишь: новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ.
Людямъ миръ, благословенье,
Долгихъ мукъ изчезнетъ слѣдъ,
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

Отвѣтъ.

Я знаю,—въ часъ тоски тревожной
Мой жесткій стихъ тебя смутилъ,
И ты хвалой неосторожной
Мои стремленья оскорбилъ.
Ты міръ души не видишь тайный,
Ты за вседневный принялъ строй
Восторга мигъ необычайный,
Порывъ поэзіи живой.
Нѣтъ! пусть дары ея высоки,
Но даже лучшіе жрецы
Во храмѣ — вѣщіе пророки,
Внѣ храма—жалкіе слѣпцы!
Пускай поэтъ—небесъ избранникъ,
Но, къ долу снидя съ высоты,
Онъ снова узникъ, рабъ и данникъ
Страстей и мелкой суеты!

Такъ, въ громкихъ звукахъ пѣснопѣнья
Сокрыты всѣмъ мои борьбы,
Мои нечистыя влеченья
И сердца тайныя судьбы...

Все то, что жарко ненавидѣлъ,
Всю власть общественнаго зла
Въ себѣ самомъ я съ дѣтства видѣлъ,
Во мнѣ самомъ она жила! —
И вотъ, тоской объятъ душевной,
Изъ хора всѣхъ доступныхъ музъ,
Я съ музой бодрой, строгой, гнѣвной,
Вступилъ въ воинственный союзъ!

Сурово пѣснь ея звучала,
Ничто не грѣло сердца въ ней,
Ревниво пламень охраняла
Она поэзіи своей.
Не прелесть празднаго мечтанья,
Не нѣга сладостныхъ молитвъ,
Но злой порывъ негодованья,
Жестокій судъ, призывы битвъ,
Отвага дерзко молодая
Въ ней вдохновляли пѣсенъ строй, —
И каждый разъ, къ другимъ взывая,
Она глумилась надо мной;
Ко мнѣ, за каждый проблескъ нѣжный,
Былъ обращенъ ея укоръ,
Меня въ стихахъ ея мятежный
Казнилъ такъ часто приговоръ!...
Но никогда на гибель брата,
Неправдѣ въ честь, во славу зла
Она наперсницей разврата
Въ моемъ паденьи не была;
Порока темное жилище
Не огласилъ веселый стихъ....
Ее хвали: умнѣй и чище
Она и дѣлъ и чувствъ моихъ!

Но муза строгая нѣмѣетъ,
Тоской смущенная моей.
Мой черствый стихъ души не грѣетъ:
Другаго слова нужно ей!
Въ моихъ строфахъ насмѣшку злую
Читаю я; я слышу въ нихъ
Души разладъ и боль нѣмую
Сердечныхъ судорогъ моихъ.
Но, какъ плащемъ, рядясь борьбою,
Пустой, не давшею плода,
Стою предъ жизнію живою
Безъ животворнаго труда.
Порывъ, упрекъ, негодованья,
Какъ мнѣ наскучилъ вашъ причётъ!
Увы! путь мертвый отрицанья
Плодовъ живыхъ не принесетъ!...

Отвергну ль путь?... Рѣшить не смѣю;
Въ стремленьѣ новомъ есть ли толкъ?
Но съ музой гнѣвною моею
Теперь надолго я умолкъ.

Опять тоска!

Опять тоска! опять раздоръ!
Знакомыхъ думъ знакомый споръ.
Давно ли я мечту спровадилъ,
На мирный строй себя наладилъ,
И самъ повѣрить былъ готовъ,
Что жизнь права, что я доволенъ?..
И вотъ опять я боленъ, боленъ,
И для тоски не знаю словъ!

И скажутъ мнѣ — и знаю самъ —
Что безполезенъ ропотъ намъ,
Что жизни путь призванью вѣренъ,
Что мудрый ходъ ея измѣренъ...
Все это вѣдаю давно!
Все мной самимъ или друзьями
Разъ двѣсти, прозой и стихами,
На всѣ лады повторено!

Все это сердца не миритъ!
Душа въ огнѣ, душа горитъ, —
Она насилью ждетъ отпора,
Ей нужно воли и простора, —

Всѣ силы въ подвигъ положить
Велитъ ей духъ неугомонный...
Души мятежъ и бунтъ законный,
Безплодны вы!... Но такъ и быть!

Безплодна ты, тоска моя!
Твою законность слышу я!
Не грёзъ обманъ въ туманной дали
Виною скорби и печали,
Но гибель силы молодой,
Но гнетъ всего, что духъ возноситъ,
Чего душа безумно проситъ —
Служенья истинѣ живой!

Молчи же, умникъ! твой совѣтъ
Давно знакомъ мнѣ, съ дѣтскихъ лѣтъ.
Всегда въ трудѣ, съ судьбой не споря,
Я празднымъ днемъ не тѣшилъ горя;
Но сердце тщетно вдалекѣ
Восхода утра ожидало...
И нынѣ силъ моихъ не стало —
Я волю далъ моей тоскѣ!

Но я предѣлы наложу
Души святому мятежу;
Примусь, смиряя пылъ душевный,
За мелкій трудъ мой ежедневный,
И побредетъ со мною онъ
День за̀ день, шагомъ, до могилы....
Есть силы, Боже!... гибнутъ силы!
Есть пламень честный... гаснетъ онъ!...

Нѣтъ! темныхъ сдѣлокъ, Боже правый,
Съ неправдой намъ не допусти,
Покрой стыдомъ совѣтъ лукавый,
Блаженство сонныхъ возмути!
Да пробудясь въ восторгѣ смѣломъ
Съ отвагой пылкою любви,
Мы жизнью всей, мы самымъ дѣломъ
Почтимъ велѣнія Твои!

Моимъ друзьямъ.

Въ средѣ бездушной, гдѣ законъ
Орудье лжи, гдѣ воздухъ смраденъ
И весь неправдой напоенъ, —
Одинъ лишь ты мнѣ былъ отраденъ,
Ты, малочисленный союзъ
Мужей безъ страха и безъ лести,
Себя добромъ взаимныхъ узъ
Скрѣпившій для добра и чести!

Досуга праздно не губя,
Вы чужды дерзкихъ замышленій;
Вы не взложили на себя
Задачи цѣлыхъ поколѣній.
Скупой покорствуя судьбѣ,
Избравши путь, неяркій съ виду,
Вы обрекли себя борьбѣ,
И слабыхъ внемлете мольбѣ,
И мстите бѣднаго обиду.

Я знаю — подвигъ вамъ сужденъ
Докучный, тѣсный, ежедневный,
Но сколько разъ прекраснѣй онъ
Печальной праздности душевной,
Безплоднымъ преданной мечтамъ!.
А вы, средь козней и проклятій,
Все тотъ же пылъ несли къ трудамъ...
Мужайтесь! силъ добудутъ вамъ
Благословенья меньшихъ братій!

Я знаю — мелокъ нашъ удѣлъ,
Но пышенъ плодъ усилій дружныхъ:
Невинный въ битвѣ одолѣлъ—
Проснулась бодрость въ безоружныхъ!
И могъ обиженный не разъ
Извѣдать здѣсь, въ средѣ разврата,
Что встрѣтитъ въ каждомъ онъ изъ васъ,
На всякій день, на всякій часъ,
Въ дѣлахъ добра — слугу и брата!

Такъ пусть же дремлетъ въ тишинѣ
Тоска несбыточныхъ желаній;
За то — безъ праздныхъ ожиданій,
Вы люди честные вполнѣ.
Такъ жизнь скупа! предѣлъ такъ кратокъ!
Надеждамъ смѣлымъ не созрѣть!
И благо всѣмъ, кому безъ взятокъ,
Придется здѣсь разовъ десятокъ
Слезу вдовицы утереть,
Вновь возвратить стѣсненнымъ грудямъ
Просторъ и воздухъ въ душной мглѣ...
Такъ благо вамъ, хорошимъ людямъ,
За ваше дѣло на землѣ!

Могучимъ юности призывамъ.

Могучимъ юности призывамъ
Правдивый выслушай отвѣтъ:
Не уступай ея порывамъ,
Не вѣрь кипѣнью бурныхъ лѣтъ!
Ея любви восторгъ поспѣшный
Бѣжитъ труда; дороже ей
Ненужный шумъ борьбы потѣшной,
Красивый жаръ ея страстей.
Ей недоступенъ подвигъ темный,
И много грѣшной суеты
Таитъ нерѣдко пылъ нескромный
Ея возвышенной мечты!

И рѣчи, шумныя для слуха,
Въ разладѣ съ правдой и добромъ!...
Не въ блескѣ дѣлъ, не въ буйствѣ духа
Мы силы духа познаемъ!
Пусть твердость мужа, съ безпощадной,
Докучной зоркостью суда,
Блюдетъ отъ той заразы смрадной
Заслугу честнаго труда.

И всѣхъ тщеславныхъ обольщеній
Мятежъ корыстный усмиривъ,—
Да будетъ святъ тебѣ призывъ
Однихъ лишь строгихъ побужденій!
Чтобъ, трезвымъ мужествомъ дыша,
Ты не робѣлъ судьбы безславной,
Чтобъ шелъ ты честно въ бой неравный,
Чтобъ ненавидѣла душа —
Гдѣ-бъ ни былъ ты, въ глуши ль невидной,
Иль на опасной высотѣ —
При бодрыхъ силахъ сонъ обидный,
Съ неправдой міра миръ постыдный,
Потворство лжи и суетѣ!...

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ.

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ.
Не упрекнутъ бездѣйствіемъ позорнымъ
Мою тоску; какъ труженикъ, умѣлъ
Работать я съ усердіемъ упорнымъ.

Моей душѣ тѣ годы не легки;
Скупымъ трудомъ не брезгалъ я лукаво,
И мнится мнѣ,—досуга и тоски
Купилъ себѣ я дорогое право!...

Въ былые дни поэтовъ чаровалъ
Блаженства сонъ, эдемъ въ неясной дали...
Почуявъ ложь, безумецъ тосковалъ
И намъ теперь смѣшны его печали!

Но осмѣявъ его безсильный плачъ,
Я въ жизнь вступилъ путемъ иныхъ мечтаній:
Къ трудамъ благимъ, къ рѣшенію задачъ,
На жаркій бой, на подвигъ испытаній

Всѣ помыслы, всѣ силы, всю любовь
Направилъ я, и громъ далекій слышалъ!...
Лгала и ты, о молодая кровь,
Изчезъ обманъ, едва я въ поле вышелъ!

И понялъ я, что спитъ желанный громъ,
Что, вмѣсто битвъ, нерѣдко съ браннымъ духомъ
За комаромъ бѣжимъ мы съ топоромъ,
За мухою гоняемся съ обухомъ!

И понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
Пора прошла,—и намъ, въ замѣну ихъ,
Борьбы глухой достался подвигъ скучный!

Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни!
И юности лукавые порывы
Опасны намъ—затѣмъ, что всѣ они
Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы.

Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
Сгораетъ въ немъ порыва скорый пламень;
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ... Долбитъ и капля камень.

Невзрачный путь! тебѣ я вѣренъ былъ!
Лишенъ ты всей отрады упоенья,
И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья!...

Но слышно мнѣ, порой, въ тиши работъ,
Что бурныхъ силъ не укротило время!
Когда же власть, скажи, твоя пройдетъ,
О молодость, о тягостное бремя?...

Послѣ 1848 года.

Глагола ему Пилатъ:
Что есть истина?
Іоан. XVIII,—38.

Пережитà тяжелая година;
Была борьба и пролилася кровь.
Послѣднихъ грезъ рѣшалася судьбина,
Но дряхлый міръ не обновился вновь!

И вѣра въ немъ послѣдняя разбилась!
Онъ счастья ждалъ отъ мудрости земной:
Она ему обманщицей явилась,
А истины не видитъ онъ другой!...

О гордый умъ! средь дерзостной надежды
Вдругъ старымъ вновь ты словомъ пораженъ,
Что вѣчно здѣсь тебѣ удѣлъ невѣжды
Невѣдомой судьбою обреченъ.

Среди побѣдъ надъ силами природы,
Среди чудесъ, что всюду ты воздвигъ,
Раскрылъ-ли намъ ты таинство свободы,
Какимъ путемъ блаженства ты достигъ?...

Смутился міръ..... окрестъ себя взирая,
Обломки вѣръ онъ видитъ предъ собой:
Возникнетъ мысль.... является иная,
Мигъ отживетъ и смѣнится другой!

Безумецъ палъ, весь преданный мечтанью,
Но сномъ почить страдалецъ не успѣлъ:
Еще живой, онъ преданъ осмѣянью,
Уже забытъ для новыхъ жертвъ и дѣлъ!...

И мы, трудясь, трудамъ своимъ не вѣримъ,
И втайнѣ мы не вѣримъ ничему;
Бѣжимъ-ли въ бой, на гибель?... лицемѣримъ,
На зло судьбѣ, на перекоръ уму!

Гдѣ-жъ истина?... Безмолвствуетъ могила,
Вездѣ алтарь разрушенный стоитъ....
Какая-жъ міръ зиждительная сила
Для жизни вновь и вѣры оживитъ?...

Но слово есть.... Любви, свободы, свѣта
Оно создать пыталось дивный храмъ....
Вполнѣ-ль оно дождалося отвѣта?...
Сдержало-ль все, что обѣщало намъ?...

Иль на землѣ съ землею примиренье
И счастье дать не властно и оно,
И намъ, живымъ, даруетъ утѣшенье,
Что мертвымъ лишь блаженство суждено?...

Вамъ слово то далò-ль отраду мира,
Скажите мнѣ, вы поняли-ль завѣтъ,
Вы, заживо умершіе для міра,
Ты, на столбѣ стоявшій тридцать лѣтъ,

Ты, цѣлый вѣкъ молившійся въ пустынѣ,
Ты, въ гробовой себя зарывшій мглѣ,
Святые всѣ безумцы! дайте нынѣ
Отвѣтъ: гдѣ жизнь, межъ васъ, иль на землѣ?...

И вправѣ ли, или не вправѣ къ счастью
Стремиться здѣсь, средь міра, человѣкъ,
Онъ, созданный ему безвѣстной властью,
Онъ, мучимый страданьемъ цѣлый вѣкъ?

Въ пещерѣ-ль жизнь? въ пустынѣ-ль примиренье?
Вопросы тѣ ужель не рѣшены?
Стремленіе, мученье и сомнѣнье
Отъ вѣка намъ, какъ видно, суждены!...

Безмолвно все!... Но если, въ мірѣ этомъ,
Есть истина, невѣдомая намъ,—
Блесни лучемъ, откликнись мнѣ отвѣтомъ,
На твой алтарь всего себя отдамъ!

Передъ собой усталъ я лицемѣрить!
Для дѣлъ Твоихъ мнѣ силы сбереги...
О, если есть, чему я долженъ вѣрить,
Ты моему безвѣрью помоги!...

Пусть сгибнетъ все.

Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово,
Такъ долго духъ готовленъ былъ:
Трудилась мысль, дерзало слово,
Въ запасѣ много было силъ...
Слабѣйте, силы! вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Безплодны всѣ труды и бдѣнья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безсиленъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякій честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности — и съ ней
Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней!

Такъ сокрушись, души гордыня!
Въ борьбѣ неравной ты падешь:
Сплошнаго зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная Ложь!

Она страшнѣй враговъ опасныхъ,
Сильна не внѣшнею бѣдой,
Но тратой дней и силъ прекрасныхъ
Въ борьбѣ пустой, тупой, нѣмой!.

Ликуй же, Ложь, и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!..
Слабѣйте жъ, силы!. вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Не дай душѣ твоей забыть.

Не дай душѣ твоей забыть,
Чѣмъ силы въ юности кипѣли,
И вмѣсто блага, вмѣсто цѣли,
Одно стремленье полюбить.
Привычка — зло. Однимъ усталымъ
Отраденъ духъ ея пустой..
Стремясь, не будь доволенъ малымъ
И не мирись своей душой!.

Хоть грезимъ мы, что цѣли ясны,
Что крѣпокъ духъ и проченъ пылъ,
Но для души лѣнивыхъ силъ
Пути нескорые опасны!
Но стынетъ жаръ съ теченьемъ лѣтъ,
Но каждый подвигъ нашъ душевный,
Прожитый жизнью ежедневной,
Готовъ утратить прежній цвѣтъ!

А. П. Елагиной.

(Отвѣтъ на письмо, при которомъ было прислано изваяніе Распятаго).

Душевныхъ тайнъ не прозрѣвая,
Ея не вѣдая путей,
Не разъ одинъ хвала людская
Взмутила глубь души моей.
Больнѣй хулы, больнѣй упрека
Звучитъ, увы! мнѣ съ давнихъ поръ
Обидной колкостью намека
Хвалебный каждый приговоръ!

Мнѣ вѣдомъ міръ, никѣмъ незримый,
Души и сердца моего,
Весь этотъ трудъ и подвигъ мнимый,
Весь этотъ дрязгъ неуловимый
Со всѣми тайнами его!..
Съ какимъ-же страхомъ и волненьемъ
Я даръ завѣтный увидалъ
И предъ святымъ изображеньемъ,
Какъ передъ грознымъ обличеньемъ,
Съ главой поникшею стоялъ.

Но я съ болѣзненной тоскою,
Съ сознаньемъ немощей земныхъ,
Я не гонюсь за чистотою
Всѣхъ тайныхъ помысловъ моихъ!
Стыжусь бодрить примѣромъ Бога
Себя, бродящаго во мглѣ!..
Пусть приведетъ меня дорога
Хоть до ничтожнаго итога
Случайной пользы на землѣ.

Въ альбомъ невѣстѣ брата.

Душою чистой и прекрасной,
Глубокой свѣтлой и живой,
Вступаешь ты въ союзъ согласный
Съ другою чистою душой!....
Съ тоскою женственной и нѣжной
И съ робкой смѣлостью мечты,
Ждала ты встрѣчи неизбѣжной,
Опоры твердой и надежной,
Мужскаго сердца красоты!...

И ты достойно оцѣнила,
Кого судьба тебѣ нашла;
Его свободно полюбила,
Его на-вѣки избрала́,
Не дѣтской страсти увлеченьемъ,
Не чувствъ внезапныхъ слѣпотой:
Души любовнымъ разумѣньемъ
И сердца мудростью простой!

Изъ всѣхъ минутъ, — одну особо
Моя мечта рисуетъ мнѣ:
Когда сказалося вполнѣ,
Чтò такъ давно таили оба!..
Кто-бъ сердце женское проникъ?...
Она задумчиво сидѣла,
Ей внятенъ былъ его языкъ,
И на нее, въ тотъ строгій мигъ,
Нѣмая будущность глядѣла!...

Что нужды вамъ до неминучей
Судьбы, грозящей вдалекѣ!...
Полнó любовію могучей,
Не дрогнетъ сердце передъ тучей,
Довѣрясь дружеской рукѣ!
Такъ смѣло въ путь! Веселымъ пиромъ
Встрѣчайте праздникъ Вашихъ узъ..
Мнѣ вѣетъ счастіемъ и миромъ
Вашъ гармоническій союзъ.

Свой строгій судъ остановивъ.

Свой строгій судъ остановивъ,
Сдержавъ готовые укоры,
Гордыню духа усмиривъ,
Вперять внимательные взоры
Въ чужую душу полюби...
Вѣрь: въ каждой прѐзрѣнной и пошлой,
Въ ея невѣдомой глуби,
И въ каждой молодости прошлой,
Отыщешь много струнъ живыхъ,
Мгновеній чистыхъ и прекрасныхъ,
Порывовъ доблестныхъ и страстныхъ,
И тайну помысловъ святыхъ!

Благія въ жизни времена
На долю каждому даются,
Когда душа его сильна
Добра взлелѣять сѣмена,
Когда мечты роями вьются;
И чутко сердце къ красотѣ,
И сердце онъ другое любитъ, —
Пока въ житейской суетѣ
Себя напрасно не погубитъ;

И постепенно, день за день,
Окаменѣетъ онъ лѣниво....
Бери-жъ надежное огниво,
Ударь въ заржавленный кремень!...

Да не смутитъ же соръ и хламъ,
На сердце жизнью наносимый,
Твоихъ очей! пусть смѣло тамъ
Они провидятъ міръ незримый.
Любовью кроткою дыша,
Взглядись въ него: и предъ очами
Предстанетъ каждая душа
Съ своими вѣчными правами.
Повѣрь: нетлѣнной красоты
Душа не губитъ безъ возврата;
И въ каждомъ ты послышишь брата,
И Бога въ немъ почуешь ты!

Отдыхъ.

Въ жизни путь предназначивъ себѣ,
На него я безъ страха гляжу,
И скупой покорившись судьбѣ,
Твердо цѣль я простую слѣжу.

Много было вопросовъ въ груди,
Всякихъ смѣлыхъ порывовъ и грезъ,
И надеждъ предо мной впереди,
И ненужныхъ страданій и слезъ.

Всѣ мечты обличить я умѣлъ,
Не пришлось имъ меня обмануть,
И понявъ ежедневный удѣлъ,
Я побрелъ въ незаманчивый путь...

Нынче цѣлый трудился я день,
Утомленный, сижу безъ огня, —
И покой, и законная лѣнь
Сладкой нѣгой объемлютъ меня.

Тихо. Ночь. На просторъ голубой
Изъ-за тучъ выплываетъ луна,
Бѣлый свѣтъ пробѣжитъ полосой,
Въ тучи снова уходитъ она.

И смѣнило заботливый шумъ
Безпокойной дневной суеты —
Время стройныхъ и медленныхъ думъ,
Время легкихъ видѣній мечты...

Все, что въ сердцѣ давно улеглось,
Что таила души тишина,
Все нежданно съ глуби поднялось,
Всколебалось до самаго дна!

Всѣ вопросы моей старины,
Неоконченныхъ пѣсенъ слова,
Всѣ мои позабытые сны,
Всѣ забытыя жизни права!

Стаю думъ поднимая собой,
Шепчетъ голосъ лукавый въ тиши,
И слабѣютъ — трудомъ и борьбой
Напряженныя силы души!..

О, вернись, утомительный день!
Пристыди малодушную ночь,
Яркимъ свѣтомъ природу одѣнь,
Отгони все невѣрное прочь!

Снова жизнь, безъ прикрасъ и затѣй,
Въ ежедневныхъ размѣрахъ яви,
И насмѣшкою бодрой разсѣй
Полунощныя грезы мои.

Зачѣмъ душа твоя смирна.

Зачѣмъ душа твоя смирна?
Чѣмъ въ этомъ мірѣ ты утѣшенъ?
Твой праздный день предъ Богомъ грѣшенъ,
Душа призванью не вѣрна!
Вокругъ тебя кипятъ задачи,
Вокругъ тебя мольбы и плачи,
И торжествующее зло,
А ты... Ужель, хотя однажды,
Ты боевой не свѣдалъ жажды,
Тебя въ борьбу не увлекло?

Ты возлюбилъ свое бездѣлье
И сна душевнаго недугъ.
Въ пустыхъ рѣчахъ, въ тупомъ весельѣ,
Чредою гибнетъ твой досугъ.
На царство лжи глядя незлобно,
Ты примиряешься удобно
Съ неправдой быта своего,
Съ уродствомъ всѣхъ его увѣчій,
Не разъяснивъ противорѣчій,
Не разрѣшая ничего!

Предъ Богомъ лѣнью не грѣши!
Стряхни ярмо благоразумья!
Люби ревниво, до безумья,
Всѣмъ пыломъ дерзостнымъ души!
Освободясь, въ стремленьи новомъ,
Отъ плѣна ложнаго стыда,
Позорь, греми укорнымъ словомъ,
Подъемля насъ всевластнымъ зовомъ
На тяжесть общаго труда!

Безумцемъ слыть тебѣ у всѣхъ!
Но для святыни убѣжденья
Полезнѣй казни и гоненья,
Чѣмъ славы суетной успѣхъ.
О, въ этой душной нашей нóчи,
Кому изъ насъ безстрашной мочи
Достанетъ правду возлюбить?
Кто озаритъ насъ правды свѣтомъ?..
Однимъ безумцамъ въ мірѣ этомъ
Дано лучей ея добыть!...

Мы всѣ страдаемъ и тоскуемъ.

Мы всѣ страдаемъ и тоскуемъ,
Съ утра до вечера толкуемъ
И ждемъ счастливѣйшей поры.
Мы негодуемъ, мы пророчимъ,
Мы суетимся, мы хлопочемъ...
Куда ни взглянешь — всѣ добры!

Обманъ и ложь! Работы черной
Намъ ненавистенъ трудъ упорный;
Не жжетъ насъ пламя нашихъ думъ,
Не разрушительны страданья!...
Умомъ ослаблены мечтанья,
Мечтаньемъ обезсиленъ умъ!

Въ нашъ вѣкъ — вѣкъ умственныхъ занятій —
Мы утончились до понятій
Движеній внутреннихъ души, —
И съ сбились съ толку! и блуждаемъ,
Порывовъ искреннихъ не знаемъ,
Не слышимъ голоса въ тиши!

Въ замѣну собственныхъ движеній,
Спѣшимъ, набравшись убѣжденій,
Души наполнить пустоту:
Твердимъ, кричимъ и лжемъ отважно,
И горячимся очень важно
Мы за заемную мечту!

И предовольные собою,
Гремучей тѣшимся борьбою,
Себя увѣривъ безъ труда,
Что прямодушно, не безплодно,
Приносимъ «мысли» благородно
Мы въ жертву лучшіе года!

Но свыкшись съ скорбью ожиданья,
Давно мы сдѣлали «страданья»
Житейской роскошью для насъ:
Безъ нихъ тоска! а съ ними можно
Разсѣять скуку — такъ тревожно,
Такъ усладительно подъ-часъ!

Тоска!... Исполненный томленья,
Міръ жаждетъ, жаждетъ обновленья,
Его не тѣшитъ жизни пиръ!
Дряхлѣя, мучится и стынетъ...
Когда-жъ спасеніе нахлынетъ
И ветхій освѣжится міръ?...

Бываетъ такъ, что зодчій много лѣтъ.

Бываетъ такъ, что зодчій много лѣтъ
Надъ зданіемъ трудится терпѣливо
И, постарѣвъ отъ горестей и бѣдъ,
Къ концу его подводитъ горделиво.

Доволенъ онъ упрямою душой,
Веселый взоръ на зданіе наводитъ...
Но куполъ кривъ! Но трещиной большой
Разсѣлся онъ, и дождь въ него проходитъ!

Ломаетъ все, что выстроено имъ...
Но новый трудъ его опять безплоденъ,
Затѣмъ что планъ его неисполнимъ,
И зодчій плохъ, и матерьялъ негоденъ!

Не такъ-ли ты трудишься, человѣкъ,
Надъ зданіемъ общественнаго быта?
Оконченъ трудъ... Идетъ за вѣкомъ вѣкъ,
И истина могучая разбита!

И всякій разъ какъ много съ ней падетъ
    Безвинныхъ жертвъ рабочаго движенья!..
Ужель твое развитіе идетъ,
    Какъ колесо, путемъ круговращенья?

О, родъ людской! Не разъ въ судьбѣ своей
    Ты мнилъ найти и истину, и вѣру,
Затѣмъ, чтобъ вновь разувѣряться въ ней
    И строить храмъ по новому размѣру.

Какимъ путемъ ты цѣли не искалъ!
    Къ какимъ богамъ не возсылалъ моленья!
Но много-ль ты вопросовъ разгадалъ,
    Но тайный смыслъ ты понялъ-ли творенья?

Къ чему-же насъ ты нынѣ привела,
    Судебъ мірскихъ живая скоротечность?
Все та же власть враждующаго зла,
    Все также намъ непостижима вѣчность.

Но опытомъ смирилися умы,
    Исчезли съ нимъ надежды и утѣхи;
И жизнь теперь, какъ бремя, носимъ мы,
    И вѣры нѣтъ въ грядущіе успѣхи.

—ой.

Вы примиряетесь легко,
Вы снисходительны не въ мѣру,
И вашу мудрость, вашу вѣру
Теперь я понялъ глубоко̀.
Вчера восторженной и шумной,
Тревожной рѣчью порицалъ
Я вашъ отвѣтъ благоразумный
И примиренье отвергалъ.
Я былъ смѣшонъ! признайтесь, вами
Мой страшный гнѣвъ осмѣянъ былъ;
Вы гордо думали: «съ годами
Остынетъ юношескій пылъ!
И выгодъ власти и разврата,
Какъ всѣ мы, будетъ онъ искать,
И равнодушно созерцать
Паденье нравственное брата!
Пойметъ и жизнь, и родъ людской,
Безплодность съ нимъ борьбы и стычекъ,
Блаженство тихое привычекъ,
И успокоится душой».

Но я, къ горячему моленью
Прибѣгнувъ, Бога смѣлъ просить:
Не дай мнѣ опытомъ и лѣнью
Тревоги сердца заглушить!
Пошли мнѣ силъ и помощь Божью,
Мой духъ усталый воскреси,
Съ житейской мудростью и ложью
Отъ примиренія спаси.
Пошли мнѣ бури и ненастья,
Даруй мучительные дни, —
Но отъ преступнаго безстрастья,
Но отъ покоя сохрани!
Пускай, не старѣя съ годами,
Мой духъ тяжелыми трудами
Мужаетъ, крѣпнетъ и ростетъ,
И закалясь въ борьбѣ суровой,
И окрылившись силой новой,
Направитъ выше свой полетъ!

А вы? вамъ въ душу недостойно
Начало порчи залегло,
И чувство женское покойно
Развратомъ тѣшиться могло!
Пускай досада и волненье
Не возмущаютъ вашу кровь;
Но, право, ваше примиренье —
Не христіанская любовь!
И вы къ покою и прощенью
Пришли въ развитіи своёмъ
Не сокрушенія путемъ,
Но.. равнодушіемъ и лѣнью!
А много, много дивныхъ силъ
Господь вамъ въ душу положилъ!

И тяжело, и грустно видѣть,
Что вами все соглашено,
Что неспособны вы давно
Негодовать и ненавидѣть!...

Отнынѣ, всякій свой порывъ
Глубдко въ душу затаивъ,
Я неумѣстными рѣчами
Покоя вамъ не возмущу.
Сочувствій вашихъ не ищу,
Живите счастливо, Богъ съ вами.

Совѣтъ.

(К. С. А.)

Храни уставъ приличій строгихъ свѣта,
Волненья думъ глубоко затаивъ.
Ихъ назовутъ горячностью поэта,
Почтутъ хвалой твой искренній порывъ!

Но похвала горячему движенью,
Какъ ядъ крови, опасна и вредна:
Она ведетъ къ вопросу и сомнѣнью,
Свободу чувствъ смутитъ въ тебѣ она...

И чистота внезапнаго порыва
Затмится вдругъ тщеславною мечтой.
О, бойся ихъ хвалебнаго отзыва,
Не щеголяй душевной красотой,

Чтобъ гордый свѣтъ улыбкой снисхожденья
Не оскорбилъ восторженную рѣчь:
Безсильныхъ душъ порывомъ не увлечь!
Своей души растратишь ты движенья,
Остынетъ жаръ и притупится мечъ.

Поэту.

Блаженъ, кому въ удѣлъ служенье
Искусству — дали небеса;
Кому, чрезъ трудъ и откровенье,
Его доступны чудеса!
Весь міръ въ немъ ясно отразится,
И все, чѣмъ душу міръ проникъ,
Въ огнѣ души преобразится
И обрѣтетъ себѣ языкъ!

Трудись, поэтъ! трудись келейно,
Исполнись вѣры и любви,
И совершай благоговѣйно
Священнодѣйствія твои!

И день придетъ, еще далекій,
Когда они благословятъ
Досуговъ праздныхъ длинный рядъ,
Твой тихій трудъ и одинокій,
И трезвость думъ, и чистоту
Твоихъ возвышенныхъ созданій,
И благодать твоихъ страданій,
И бурь душевныхъ красоту!

Съ преступной гордостью.

Съ преступной гордостью — обидныхъ,
Тупыхъ желаній и надеждъ,
Рѣчей безъ смысла, думъ постыдныхъ,
И остроумія невѣждъ;
Въ весельяхъ наглыхъ и безбожныхъ,
Средь возмутительныхъ забавъ
Гніете вы, — условій ложныхъ
Надменно вытвердя уставъ!
Блестящей свѣтской мишурою
Свою прикрывши нищету,
Ужель не видите порою
Вы вашихъ помысловъ тщету?
Того, что вамъ судьба готовитъ,
Еще-ли страхъ васъ не проникъ?
Все также лжетъ и срамословитъ
И раболѣпствуетъ языкъ!
Не стыдно вамъ пустыхъ занятій,
Богатствъ и прихотей своихъ,
Вамъ ни почёмъ страданья братій,
И стоны праведные ихъ!..
Господь! Господь! вонми моленью,
Да прогремитъ бѣдами громъ
Земли гнилому поколѣнью,
И впрахъ разсыплется Содомъ!..

ANDANTE.

Когда съ боязнью и тревогой,
Съ сознаньемъ робкимъ тайныхъ силъ,
Впервые жизненной дорогой
Я самобытно поспѣшилъ,
Тогда надеждъ и вѣры сладкой,
И многихъ юности прикрасъ
Чуждался я, хотя украдкой
И мнѣ мечталося не разъ!
И мысль таилась одиноко:
И ободрительно въ груди,
Что молодъ я, что такъ далеко,
Такъ много, много впереди!

За днями дни промчались мимо,
И годы — быстрой чередой;
Давно отвергъ я, что любимо
Такъ прежде пылко было мной.
Хвалой — не разъ смѣнился ропотъ,
Тоской — веселья шумный часъ...
Чѣмъ дальше въ жизнь, тѣмъ строже опытъ,
Тѣмъ онъ суровѣй учитъ насъ;
Такъ, много мнѣ, въ борьбѣ и дѣлѣ,
Не въ очарованномъ кругу,
Повѣдалъ онъ... Но я доселѣ
Привыкнуть къ жизни не могу.

Когда, смиривъ огонь кичливый
И гордость пылкую въ крови,
Направишь взоръ неторопливый,
Вниманье, полное любви,
На все, что такъ Творцомъ обильно
Тебя кругомъ расточено,
Что дышетъ пламенно и сильно,
Что жизнью медленной полно̀,
Что тихимъ здѣсь согрѣто жаромъ,
Чѣмъ жизнь богата и бѣдна...
Тогда въ душѣ твоей не даромъ
Напечатлѣется она!

Тогда душа послышитъ звуки,
Досель неслыханные ей;
Подастъ отвѣтъ на скорбь и муки
И радость всякую людей,
На зовъ и кличъ во имя братства;
Провидитъ мыслей глубину,
Свои безвѣстныя богатства,
Чужаго сердца тишину!..

Такъ пусть душа не унываетъ
И лѣни вкрадчивой бѣжитъ,
Повсюду взоромъ вопрошаетъ,
Пытливымъ слухомъ сторожитъ
Тѣ вѣковѣчныя явленья,
Тѣ жизни тайныя черты
Недостижимой высоты,
Неистощимаго значенья,
Непреходящей красоты?

Среди удобныхъ и лѣнивыхъ.

«Среди удобныхъ и лѣнивыхъ
Упорно — медленныхъ работъ,
Негодованій говорливыхъ,
Привычныхъ золъ и терпѣливыхъ
Надеждъ, волненій и заботъ, —

Живемъ, довольные судьбою,
Браня судьбу. Досуга нѣтъ,
Ни сладить съ внутренней борьбою,
Ни дать взывающему къ бою
Вопросу жизненный отвѣтъ.

Но жизни нашей ложь и бремя
Сознали мы; — чего-жъ мы ждемъ?
Ужели не приспѣло время,
Ужели мы, бросая сѣмя,
Его плодовъ не соберемъ?»

И мнѣ въ отвѣтъ на это слово
Другое слово раздалось:
Оно неслыханно и ново,

Всей силой пламеннаго зова
Въ моей груди отозвалось!

И вѣрѣ уступая жгучей,
Сталъ также вѣровать и я
И современности могучей,
И близости еще за тучей
Отъ насъ таящагося дня.

Но время мчится, жизнь старѣетъ,
Все также свѣта не видать:
Такъ незамѣтно дѣло зрѣетъ,
Такъ мало васъ, которыхъ грѣетъ
Любви и скорби благодать!

И дней былыхъ не даромъ, мнится,
Тяжелый опытъ учитъ насъ,
Что много лѣтъ еще промчится,
Пока лучемъ не озарится
Давно предчувствуемый часъ!

Пока роскошный и достойный,
Завѣтный не созрѣетъ плодъ;
Пока неумолимо стройный,
Тяжелый, твердый и спокойный
Событій не свершится ходъ.

А сколько прежде поколѣній
Ждетъ вновь неправедность судьбы,
И бремя тяжкое стремленій,
И оскорбительность явленій,
И безутѣшныя борьбы!

Вопросомъ дерзкимъ не пытай.

Вопросомъ дерзкимъ не пытай
Судьбы таинственныхъ велѣній,
Поднять завѣсы не мечтай,
Не разрѣшай своихъ сомнѣній
И не тревожь въ тиши ночной
Видѣній злыхъ готовый рой?...

Оставь, забудь, не трогай ихъ,
Тамъ нѣтъ отрады и спасенья....
Въ борьбахъ измученный пустыхъ,
Ты пожелаешь разрушенья....
Такъ пусть въ сердечной глубинѣ
Всегда безмолвствуютъ онѣ!..

Что если — страшныя мечты! —
Все безпредѣльное созданье
И міръ бы цѣлый понялъ ты
И перенесъ въ свое сознанье?...
Но, мнится, духъ, напоромъ силъ,
Земныя узы-бъ сокрушилъ!

Моли, чтобъ вѣчно не могла
Раскрыться истины пучина,
Заговорить съ тобою мгла,
На зовъ откликнуться темнина
И дать властительный отвѣтъ,
Гдѣ дышетъ смерть и жизни нѣтъ!

НОЧЬ.

Въ заботахъ жизни многосложной,
Въ ея шумливой пустотѣ,
Далеко мысль — о непреложной
Природы дивной красотѣ!
Такъ охлажденныхъ и привычныхъ
Насъ не смущаетъ видъ небесъ,
Ни повторенie обычныхъ,
Всегда торжественныхъ чудесъ!
Но въ часъ внезапный пробужденья
Душѣ послышится опять
Восторга тихаго смятенье,
Мгновенiй чистыхъ благодать!...

Полны чудесъ неистощимыхъ
Природы вѣчныя дѣла!
Полны пространствъ неизмѣримыхъ
Всѣ неба звѣздныя тѣла!
Идутъ числомъ несмѣтнымъ годы,
Одинъ другимъ тѣснится вѣкъ;
Смѣнились царства и народы,
Преобразился человѣкъ!...
А ты стоишь неизмѣнимо,
Не увядаешь ты одна;

Твое убранство нерушимо, —
Все тѣ же солнце и луна!
Твое безмолвіе ночное
Все то же таинство хранитъ;
Все также небо голубое
Насъ неизвѣстностью манитъ!...

А ты, которая воспѣта
Стихами столькими была,
Луна, царица полусвѣта,
Какъ много думъ ты родила,
Какъ много грезъ и вздоровъ милыхъ
Повсюду, блескъ твой возлюбя,
Толпы мечтательницъ унылыхъ
Подъемлютъ взоры на тебя!...

О, помню я твое сіянье
И цѣлый рядъ такихъ ночей,
И тихій говоръ, и молчанье
Невольно прерванныхъ рѣчей!
Рѣка, блестя, струилась мимо,
Шумѣли листья въ вышинѣ..
Проснулось все, что недвижимо
Въ душевной спало глубинѣ!...

И многихъ тѣхъ, кто въ эти ночи
Пытали думой міръ иной,
Давнымъ-давно закрылись очи,
Давнымъ-давно ихъ нѣтъ со мной!
Такъ мнѣ теперь предстали ясно
Однѣ забытыя черты....
И нынѣ также ты прекрасно,
И также тихо свѣтишь ты!

Очеркъ.

Ужъ вѣетъ все зимой могучею и грозной,
Холодной ясностью сверкаетъ синева;
Октябрской осени день пышный и морозной,
Готовясь сумраку отдать свои права,
Склонялся къ западу... Прощальные, наводятъ
Тоску, предшествуя медлительной ночи́,
И косвеннымъ столбомъ по комнатѣ проходятъ —
Отъ солнца пыльные лучи!...
Но вдругъ природа вся какъ будто встрененулась
И свѣтомъ розовымъ подернулась... Тогда
По небу далеко и быстро растянулась
Волнистыхъ облаковъ румяная гряда;
Зарей багровою край неба обложился,
И солнца — ярко золотой,
Невыносимый блескъ въ доступный измѣнился,
Въ шарообразно-огневой!
Мгновенно вспыхнули и жарко погорѣли
И стекла, и дома, и куполы церквей...
А тѣни, падая, ложились вкось, чернѣли,
Все безобразнѣй и длиннѣй!...

Но закатился шаръ... Средь быстрыхъ измѣненій
Заря потухла... Свѣтъ погасъ,
Стемнѣло. Сумерки... раздумья грустный часъ,
Надеждъ несбыточныхъ и горькихъ сожалѣній!..

И сумерки любя, она одна сидитъ
Въ п[illegible]ой комна[illegible]мной,
А устремле[illegible]ый взоръ [illegible] полу-сокрытъ
Рѣсницей длинною и томной.
Чело, склоненное подъ бременемъ ме[illegible]ты,
И простота и прелесть положенья,
Ея прекрасныя и строгія черты,
Нѣмая музыка движенья,
Все дышетъ скукою, печалью и тоской:
Опять зимы чередъ исправный!
Пора рабочая для жизни городской,
Для суеты ея тщеславной,
Для свѣтскихъ радостей и мелочей пустыхъ!
Пора веселостей обычныхъ,
Гдѣ все — подъ тяжестью искусственно-простыхъ
Условій, ложныхъ и приличныхъ!...
Такъ вотъ что бѣдной ей грядущее сулитъ:
Рядъ баловъ и знакомствъ, да женскія работы!
Потомъ, быть можетъ... Чтожъ?... потомъ ей предстоитъ
Опять смиреніе, покорность и заботы!...
Но женской участи послушаться она
Всегда безъ ропота готова;
Лишь изрѣдка, когда въ мечты погружена, —
Ея душа стремится снова...
И дѣтство прежнее воскресло передъ ней:
Ей вспомнились — деревня, лѣто,
И роскошь зелени, и золото полей,
Цвѣты, которыми по прихоти одѣта, —

По мягкой свѣжести некошенныхъ луговъ
Такъ часто бѣгала... Тѣ молодые годы,
Когда росла она среди веселыхъ сновъ,
Подъ сѣнью мирною природы!...
И неподвижность водъ при тишинѣ ночной:
Деревья спя[illegible] не дрогнетъ колосъ;
И слышится на[illegible]ъ [illegible]лый и[illegible]ой,
И чей-то тихій, тихій голосъ!...
И [illegible] Но звонятъ?... Еще... Она встаетъ;
[illegible]о ми[illegible]у челу промчалось нетерпѣнье.
На[illegible]енъ строй души!... Вздохнувъ, она идетъ,
Готовя рукъ привѣтное движенье...
Какъ въ эти сумерки отрадно было ей!
Когда-жъ свободное опять настанетъ время?
Когда?... Но ближе шумъ, дверь настежь, — и гостей
Идетъ докучливое племя!

26-е Сентября

Всякъ человѣкъ ложь.
Псаломъ 14.

Я не всегда обычной жизни
Бываю вихремъ увлеченъ;
Смущаютъ сердца укоризны;
Нерѣдко ими пробужденъ
Отъ чаду жизненной тревоги,
Отъ мелкихъ, суетныхъ заботъ: —
Какъ бѣдный путникъ, средь дороги
Свой останавливая ходъ,
На землю съ плечъ слагаетъ брѐмя
И, погруженъ въ свою печаль,
Глядитъ назадъ, считаетъ время,
Усталымъ окомъ мѣритъ даль...

Такъ вызываю безпристрастно
На судъ изъ мрака и тиши,
Что̀ тамъ звучитъ, живетъ неясно, —
Движенья тайныя души;
Такъ мысли я, труда и дѣла
Причины скрытыя слѣжу,
И, въ глубь души взглянувши смѣло,
Я много плевелъ нахожу!

Не то, чтобъ даръ моей свободы
Я жизни робко уступилъ,
И сѣмя доброе природы
Страстями рано заглушилъ:
Сознанье доброе не дремлетъ,
Неумолкаемо зоветъ...
Но сердце слышитъ и не внемлетъ,
И жизнью прежнею живетъ!

Истребитъ — не знаю власти,
И силы нѣтъ и не досугъ —
Мной презираемыя страсти,
Мной сознаваемый недугъ!
Вступаю-ль въ споръ, бросаюсь въ битву —
Тревожусь тщетною борьбой,
Творю несвязную молитву, —
Но вѣры нѣтъ въ молитвѣ той!

Въ чаду тщеславныхъ искушеній,
Какъ душу ты ни сторожи,
Въ ней мало чистыхъ побужденій,
Въ ней мало правды, много лжи!
Такъ мало въ насъ любви и вѣры,
Такъ въ сердцѣ мало теплоты,
Такъ мы умны, умны безъ мѣры,
Такъ мы боимся простоты!

Такъ часто громкими рѣчами
Клянемъ мы иго свѣтскихъ узъ;
Но между словомъ и дѣлами
Такъ нашъ неискрененъ союзъ!
Какъ быть! — Покойно и лѣниво,
Удобно, вяло и легко,

Полу-строга, полу-шутлива,
Не заносясь далеко,

Жизнь наша тянется... «Уже ли
«Тревожить мирный нашъ очагъ?
«Зачѣмъ искать суровой цѣли,
«При дешевизнѣ нашихъ благъ?
«Добры, но слабы мы, и, право,
«Излишенъ строгій намъ упрекъ!...»
Такъ извиняемъ мы лукаво
Межъ насъ гнѣздящійся порокъ!

Мнѣ ясны лживые порывы
И тайна помысловъ въ тиши,
Хитросплетенные извивы
Моей испорченной души
Привычкамъ вреднаго влеченья
Хотѣлъ бы я противустать;
Но, устрашася исцѣленья,
Спѣшу во слѣдъ другимъ опять!

И безполезно мнѣ сознанье
Душевныхъ немощей моихъ;
Мгновенный жаръ негодованья
Не властенъ свергнуть бремя ихъ.
Въ борьбахъ тяжелыхъ и безплодныхъ
Я много жизни пережилъ:
Движеній нѣтъ во мнѣ свободныхъ,
Нѣтъ первобытныхъ, свѣжихъ силъ!...

Не въ блескѣ пышнаго мечтанья.

Не въ блескѣ пышнаго мечтанья,
Не въ ложномъ сладкомъ полуснѣ,
Не съ красотой очарованья,
Бывало, жизнь являлась мнѣ.
Но преданъ юному усердью
Къ трудамъ суровымъ бытія,
Казалось мнѣ — съ землей и твердью
Не прочь бы былъ сразиться я!
И для потѣхи оборонной
Готовилъ я, на всякій часъ,
Такъ много воли непреклонной,
Да сколько мужества въ запасъ!...
Сначала бодро и упруго
Кипѣла дѣятельность силъ,
Я душу — вреднаго досуга,
А сердце — голоса лишилъ.
И радъ я былъ въ своей гордынѣ
Жить безъ отрады и въ тиши,
Да все идти!... Слабѣетъ нынѣ
Высокій строй моей души!

Когда напѣвъ забытыхъ пѣсенъ
Вдругъ пронесется надо мной,
То мнится мнѣ, что міръ мой тѣсенъ,
Но что прекрасенъ міръ иной!
Что много въ жизни упоенья
Даруетъ образъ красоты,
Что есть возможность увлеченья,
Что власти много у мечты!
Что тяжко иго силъ желѣзныхъ,
И что бездѣйствіе иныхъ
Полезнѣй всѣхъ трудовъ полезныхъ,
Отраднѣй всѣхъ даровъ земныхъ!...

Много силъ и твердой воли.

Много силъ и твердой воли,
Раннихъ лѣтъ твоихъ въ бреду,
Отдалъ ты ничтожной доли
Въ жертву ложному труду...
Съ бодрымъ чувствомъ юной мочи
Подвизался ты, — но вѣрь,
Что сознаньемъ наши очи
Просвѣтилися теперь!

. . . .

Но иной теперь стремится
Міръ достигнуть высоты,
И грозятъ осуществиться
Наши давнія мечты!
Но вижу я: печальный, утомленный,
Свои глаза ты обращаешь вновь
Къ той области отъ міра отрѣшенной,
Гдѣ властвуютъ искусство и любовь!
Но берегись, чтобы въ обманѣ чувства
Не погубилъ ты лучшихъ силъ своихъ,
Чтобъ въ радостяхъ возвышенныхъ искусства
Не позабылъ о скорбяхъ ты людскихъ!...

Не время вамъ теперь скитаться
Въ «садахъ Аркадіи златой:»
Гражданскій бытъ готовъ распасться,
Готовъ возникнуть бытъ иной!
Въ покоѣ, въ сладостномъ забвеньѣ
Тебѣ ли отдыха искать,
Когда на славное служенье
Мы собираемъ нашу рать?
Когда искусство стало средствомъ,
Науки путь избрали мы —
Грядущей радостью и бѣдствомъ
Да преисполнятся умы!..

Христофоръ Колумбъ съ пріятелями.

Первый пріятель.

Я знаю замыслъ твой глубокій,
Мечту завѣтную твою;
И вздохъ груди твоей широкой
Волнуетъ также грудь мою!
Но время, другъ! передъ тобою
Я сны твои разоблачу
И къ жизни съ бодрою душою
Тебя я вновь воззвать хочу.
Ты рано жизни наслажденья
Отвергъ далеко отъ себя
И въ грудь вложилъ одно стремленье,
Однимъ дыша, одно любя!
Но если цѣль твоя напрасна,
Но если ложенъ выводъ твой,
Чего ты ищешь ежечасно —
Вѣкъ не достигнется тобой!
Но если ты нигдѣ привѣта,
Нигдѣ участья не найдешь,
И отъ судей надменныхъ свѣта
Одно презрѣнье обрѣтешь?

Тогда пройдетъ очарованье,
Надежда минетъ долгихъ лѣтъ;
Глядишь назадъ: одно мечтанье!
Глядишь впередъ: отрады нѣтъ!
Такъ гдѣ же цѣль суровой жизни?
Служенье праздное мечты!...
Но для себя, но для очизны,
Но для другихъ что сдѣлалъ ты?

Другой пріятель.

Еще не поздно. Небо чисто,
Не вѣетъ въ воздухѣ грозой,
Многостороння и цвѣтиста
Дорога жизни предъ тобой!
Съ высотъ мечты своей безумной
Къ намъ въ міръ дѣйствительный явись,
Бесѣдой легкою и шумной
Среди друзей одушевись!
Живи какъ всѣ, сдержи волненье,
Гляди на міръ не съ высокà,
И ты найдешь успокоенье,
И станетъ жизнь тебѣ легка!
Но если будетъ цѣль стремленья
Всегда безумна и дерзка,
Ты не найдешь успокоенья
И станетъ жизнь тебѣ тяжка.

Колумбъ.

Лицемъ къ лицу я встрѣчусь съ нею
И смѣлый взоръ не опущу;
Не отступлю, не оробѣю,
Судьбѣ упорствомъ отомщу.
Пойду впередъ съ своимъ стремленьемъ,

Исторгну помыслъ изъ глуши,
Съ неколебимымъ убѣжденьемъ,
Залогомъ искреннимъ души!
И вѣрю я: наступитъ время,
Хоть громъ греми и вѣтеръ вѣй,
Но долетитъ благое сѣмя
До почвы избранной своей.
Я не страшусь суда людскаго,
Я двину смѣло мысль впередъ,
И далеко отгрянетъ слово
И слухъ внимательный найдетъ.
Крикъ близорукаго участья
Меня не тронетъ, не смутитъ.
Я жду заранѣе несчастья;
Мнѣ тайный голосъ говоритъ:
Терпи, Колумбъ, терпи и вѣдай,
На зло сомнѣнью и врагамъ,
Ты увѣнчаешься побѣдой!...

Но быть грозѣ, гремѣть бѣдамъ!

Послѣднее стихотвореніе изъ прежнихъ.

Къ тишинѣ, къ примиренью, къ покою
Мнѣ пора-бы склониться давно.
Порѣшить я намѣренъ съ тоскою!...
Но могу-ли? удастся-ль оно?

Отвращусь-ли отъ грустной юдоли,
Убаюкаю-ль скорбные сны —
Сердцу страшно не чувствовать боли,
Самъ своей я боюсь тишины!

Все какъ будто обманъ и забвенье
Притаились подъ мудрости сѣнь:
Мыслимъ — въ душу сошло примиренье,
А въ душѣ лишь усталость да лѣнь!

Все какъ будто готовлю измѣну
Я великому множеству ихъ —
Обреченныхъ работѣ и плѣну
Бѣдныхъ, страждущихъ братьевъ моихъ.

Насъ роднятъ лишь печали да горе,
Только тамъ я не чуждый имъ братъ,
Только въ скорбномъ сливаяся хорѣ,
Наши пѣсни согласно звучатъ!..

* *
*

И сдается — надъ всей безконечной
Жизнью міра проносится стонъ,
Стонъ тоски міровой, вѣковѣчной,
Порожденный въ пучинѣ временъ, —

Въ тѣ творенія дни молодые,
Какъ, собравшись на жизненный пиръ,
Человѣческимъ воплемъ впервые
Огласился ликующій міръ...

Съ той поры и понынѣ, ты съ нами
Неразлучно проходишь вѣка,
О, всесильная, ветхая днями,
О, владычица міра — тоска!

ПОСЛѢДНІЯ 1878-го ГОДА СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Варварино.

(Посланіе къ Е. Ѳ. Тютчевой.)

Какъ будто вихремъ бури злой
Снесло мой домъ, и я — изгнанникъ!
Но дружба путь водила мой,
И вотъ я въ пристани.... Я твой
Отнынѣ гость и сердцемъ данникъ.

Какъ тихо дни мои текутъ!
Какъ милъ, укроменъ твой пріютъ!
Какъ сердцу видъ его отраденъ,
Какъ нѣжитъ душу, тѣшитъ взоръ,
Какъ въ простотѣ своей нарядень!
Какъ величавъ и безогляденъ
Предъ нимъ раскинулся просторъ!

Рѣки серебряный извивъ,
Блестящій въ муравѣ зеленой;
По зыбкимъ скатамъ желтыхъ нивъ
Бродящей тѣни переливъ
И рощей сумракъ отдаленный....
Виднѣютъ села.... здѣсь и тамъ
Сверкаетъ крестъ, бѣлѣетъ храмъ.

Куда ты взоръ ни обратишь,
Какая ширь! какая тишь!
Но всюду въ ней снуетъ, безшумный,
Рабочей Руси трудъ святой..
О, чудный миръ земли родной,
Какъ полонъ правды ты разумной!

Великій миръ, родимый миръ!
Ты бодръ и мощенъ какъ стихія...
Твоей лишь правдою Россія
Преодолѣть возможетъ міръ
И свергнуть идолы чужіе!.
Но часъ не близокъ. Злая мгла
Вершины Руси облегла.

Въ той безнародной вышинѣ
Родная мысль въ оковахъ плѣна;
Одни лишь властвуютъ вполнѣ
Тамъ лесть и ложь, и буйство тлѣна!.
Но вниметъ Богъ простымъ сердцамъ:
Сквозь смрадъ и чадъ всей этой плѣсни,
Восходитъ съ долу ѳиміамъ,
Несется звукъ побѣдной пѣсни,
Поющей славу небесамъ.

---

18 Августа 1878 г.
С. Варварино.

2.

Ночь.

(10 Сентября.)

Спустилась ночь въ убранствѣ звѣздномъ,
И дольнихъ чуждыя страстей
Какъ бы зажглись по синимъ безднамъ
Тьмы зоркихъ, мыслящихъ очей.
Міръ опочилъ. Едва колышитъ
Листы вѣтвѣй; кругомъ дрема
И сонъ....
Лишь ночь не спитъ сама,
Живетъ и мощно, мѣрно дышитъ,
И чутко землю сторожитъ,
Все вѣщимъ таинствомъ объемлетъ,
И все невидимое зритъ,
Неизглаголанному внемлетъ!
Беззвучный хоръ во мглѣ ведетъ...
И внятна сердцу пѣснь ночная,
И мнится — съ горнихъ тѣхъ высотъ
Зіяетъ правда неземная!...

С. Варварино.

3.

Среди цвѣтовъ поры осенней.

Среди цвѣтовъ поры осенней,
Видавшихъ вьюгу и морозъ,
Вдругъ распустился цвѣтъ весенній —
Одна изъ раннихъ алыхъ розъ.
Пахнуло вдругъ дыханьемъ мая,
Блеснуло солнцемъ вешнихъ дней,
И мнилось — гостья дорогая
Мнѣ принесла, благоухая,
Привѣтъ изъ юности моей!..

С. Варварино.

4.

Еще морозомъ не побиты.

(Аннѣ.)

Еще морозомъ не побиты,
Среди осенней пестроты,
Какъ, яснымъ днемъ, росой обмыты
Пышнѣй красуются цвѣты!
Они все тѣ же, но иначе,
Но ярче блещетъ ихъ нарядъ,
Благоуханіе богаче,
Свѣжѣй струится ароматъ.
Весь до конца свой подвигъ чистый
Какъ бы торопятся свершить,
И все, что̀ силы есть душистой,
Пока щадитъ морозъ сребристый,
До дна исчерпать и излить!

Не такъ-ли, другъ, душа твоя,
Презрѣвъ невзгоды и насилья,

Широко расправляетъ крылья,
Встрѣчая осень бытія?
Звучнѣе сердце; выше строй,
И чувствъ и мыслей ладъ упроченъ,
И голосъ правды золотой
Такъ безусловно полномоченъ!...

---

8 Сентября 1878 г.
С. Варварино.

5.

29 Ноября 1878 г.

Затворы сняты; у дверей
Свободно стелется дорога;
Но я... я медлю у порога
Тюрьмы излюбленной моей!
Въ моей изгнаннической долѣ
Какъ благодатно было мнѣ,
Радушный кровъ,—прiютъ неволи,—
Въ твоей привольной тишинѣ!
Когда въ пылу борьбы неравной,
Трудовъ подъятыхъ и тревогъ,
Такъ рьяно съ ложью полноправной
Сразился я — и изнемогъ,
И прямо съ браннаго похмѣлья
Меня къ тебѣ на новоселье
Судьба нежданно привела,—
Какой отрадой и покоемъ,
Какимъ внезапнымъ звучнымъ строемъ
Душа охвачена была!
Какъ я постигъ благую разность.
Какъ оцѣнилъ я сердцемъ вдругъ
Твою трезвительную праздность,
Душеспасительный досугъ!...

С. Варварино.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

(LICENTIA POЁTICA).

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Петръ Семеновичъ Архиповъ,	{	Молодые люди, ѣдущіе изъ Москвы на имянины одного помѣщика, родственника Ящерина.
Андрей Владиміровичъ Ящеринъ.		

Иванъ—слуга.

Дѣйствіе происходитъ въ повозкѣ, а частію и на станціяхъ.

Зимняя дорога.

Деревня на большой дорогѣ. Подлѣ станціонной избы стоитъ повозка, запряженная тройкой. Архиповъ и Ящеринъ выходятъ изъ избы.

Ящеринъ.

Ну что, готово ли?

Иванъ.

Готово-съ.

Архиповъ.

Ну, такъ съ Богомъ... *(Подходитъ ямщикъ).*

Ямщикъ.

Старому, баринъ, ямщику на водку... *(Архиповъ даетъ ему).*

Ящеринъ.

Вѣдь мы должны будемъ своротить на проселочную дорогу; намъ уже теперь до мѣста не далеко... *(Усаживаются въ повозку).*

Архиповъ *(ямщику).*

А сколько до этой станціи будетъ?

Ямщикъ.

Да верстъ тридцать считаютъ.

Ящеринъ.

Какая скука! А мнѣ еще и спать не хочется, на той станціи выспался славно. Выкурить развѣ сигару... *(Подходитъ другой ямщикъ).*

Ямщикъ.

Старостѣ, баринъ, за хлопоты...

Ящеринъ.

Поди ты прочь! довольно и того, что ямщику на водку даютъ. Какія тутъ хлопоты?... Да что-жъ это нашъ ямщикъ копается такъ долго?—Ну, усѣлся что-ли, валяй!..

Ямщикъ *(трогая лошадей).*

Эхъ вы... *(Колокольчикъ звенитъ. Иванъ подпрыгиваетъ на облучкѣ. Повозка выѣзжаетъ изъ деревни на большую дорогу.)*

Архиповъ.

А вѣдь не холодно?

Ящеринъ.

Не холодно, конечно,
Да не мѣшало-бъ и теплѣй!

Архиповъ.

Ты, братъ Андрей, все зябнешь вѣчно;
А мнѣ на холодкѣ какъ будто веселѣй!

Ящеринъ.

Да знаю я твое веселье!
Прошедшею зимой случилось ѣхать мнѣ

Въ Москву, къ сестрѣ на новоселье:
Во-первыхъ — отъ толчковъ тогда моей спинѣ
Досталось крѣпко; не забуду
Ухабовъ зимняго, привольнаго пути!
Да во-вторыхъ — ужъ вѣчно помнить буду,
Что я себя насилу могъ спасти
Отъ стужи, — а слуга мой съ козелъ
Во всю дорогу не сходилъ, —
Такъ, кажется, себѣ онъ ноги отморозилъ!
Вотъ какъ твой холодокъ надъ нами подшутилъ!

Архиповъ.

Ну, кто и говоритъ про эдакую стужу!
А кстати, что̀ твоя семья?
Твоя сестра на дняхъ поѣдетъ къ мужу?
Не знаю отъ кого, но только слышалъ я..

Ящеринъ.

Да, мужъ ея живетъ въ деревнѣ постоянно;
Хозяйствомъ занятъ онъ, повѣришь, день и ночь,
И умножаетъ безпрестанно
Онъ годовой доходъ; однако дочь,
Мою племянницу, въ Москву на воспитанье,
Отцовскій капиталъ тудажъ на проживанье
Со всей семьей онъ скоро повезетъ!..

Нѣсколько времени продолжаютъ ѣхать молча. Наконецъ ямщикъ гонитъ лошадей шибче и они проѣзжаютъ мимо небольшой деревушки. Мальчишки, игравшіе на дорогѣ, съ визгомъ разбѣгаются. Одна баба останавливается и смотритъ. Мужикъ толкаетъ ее:

Ну, что̀ глядишь, чего не видала?

Баба.

Экъ, — шубъ-то, шубъ-то на нихъ! вишь какъ господа-то себя грѣютъ!

Мужикъ.

На то они и господа! А ямщикъ-то никакъ изъ Семеновки?...

Баба.

Изъ Семеновки. Онъ еще давича, ранехонько по утру, провезъ туды барина, а теперь оттоль домой съ попутчикомъ.

Мужикъ.

Пойдемъ! Вишь, баринъ глядитъ на насъ и смѣется... *(Повозка проѣзжаетъ далѣе).*

Ящеринъ.

Ну, не красива, нечего сказать:
Какой костюмъ, какая стать!

(Запѣваетъ мотивъ изъ Нормы.)

Архиповъ.

Фальшивишь, братъ. Никакъ не можешь ты
Пропѣть порядочно и вѣрно ни пол-слова!

Ящеринъ.

Тебѣ такъ кажется, — обманъ твоей мечты..
Не вникъ ты въ пѣніе, а критика готова..
Ты, впрочемъ, оцѣнить достойно голосъ мой
Теперь не могъ бы и внимая:
Мѣшаетъ мнѣ вотъ этотъ «*даръ Валдая*

«Гудитъ уныло подъ дугой!»
А стати — спѣть: «Вотъ мчится тройка удалая».

(Запѣваетъ. Архиповъ подтягиваетъ сначала тихо, потомъ мало-по-малу громче, и такимъ образомъ поютъ всю пѣсню.)

Ящеринъ *(ямщику).*

Стой! —Дай зажечь спичку. Да помоги, Петръ, отъ вѣтра оборониться...

Архиповъ.

Изволь, изволь. *(Останавливаются. Подъ полой шубы зажигаютъ огонь и закуриваютъ сигары.)*

Архиповъ.

Ну, пошелъ! *(ѣдутъ).*

Архиповъ.

Люблю я зимній, красный день:
Онъ гонитъ прочь покой и нѣгу,
Люблю глядѣть, когда по дѣвственному снѣгу,
По ярко-бѣлому слегка ложится тѣнь!
Смотри, какъ на краю дороги, здѣсь на правомъ,
Насъ отражаетъ солнца свѣтъ,
И наша тѣнь, въ размѣрѣ величавомъ,
Съ повозкой, съ ямщикомъ за нами скачетъ вслѣдъ.
Деревья снѣжною опушены одеждой,
И синева возрачна и яснà,
И воздухъ чистъ, — и грудь надеждой
И чувствомъ юныхъ силъ полнà!
По ровному пути несешься; вмѣсто крылій
Полозья гладкіе скользятъ

Легко, подвижно, безъ усилій,
И искры снѣжныя по сторонамъ летятъ,
Блестя на солнцѣ. Подъ ногою
Хруститъ морозъ. А тамъ, недалеко,
Надъ каждою избой, надъ каждою трубою,
Синѣетъ дымный столбъ: сначала высоко,
Все прямо, прямо подымаясь,
Потомъ мѣняя стройный ходъ,
Ложится косвенно и, въ облако сливаясь,
Теряется. Роскошный неба сводъ,
И въ бѣломъ образѣ прекрасная природа,
И лица свѣжія и бодрыя народа,
Все веселитъ меня. Какъ радъ я, Боже мой,
Что отъ искусственной, условной жизни нашей,
Могу прибѣжище, свободнѣе и краше,
Найти въ природѣ Русской и простой!

Ящеринъ.

Ты фантазируешь не худо,
Да я не фантазеръ. Хоть самъ люблю порой
Природу и стихи; но занятъ я покуда
Все той-же думою одной.
Я далѣе тебя несусь своей душою,
Скажу тебѣ здѣсь кстати вновь, —
Я не съ одной хочу сочувствовать страною, —
Во мнѣ пространнѣе любовь!
Природою Русскою и Русскимъ человѣкомъ
Нельзя, повѣрь, довольнымъ быть
Тому, кто вслѣдъ идетъ за просвѣщеннымъ вѣкомъ!

Архиповъ.

Мы любимъ жить чужимъ умомъ,
Свое чужимъ аршиномъ мѣрить,

И пировать въ пиру чужомъ,
Кому ненужны мы — о томъ
И хлопотать и лицемѣрить!

Но если въ комъ не даромъ кровь
Волнуетъ пылкое стремленье,
Зоветъ пространная любовь,
Чтобъ угнетаемому — вновь
Воздать все прежнее значенье,—

Такъ чѣмъ глядѣть по сторонамъ,
Въ чужомъ пиру искать похмѣлья,
И по проложеннымъ тропамъ,
Идти во слѣдъ чужимъ стопамъ,
Ковать ненужныя издѣлья,—

Пусть пелену съ себя сорветъ,
Пусть ближе онъ допуститъ къ сердцу,
Что̀ отзывъ въ немъ родной найдетъ,
Что̀ чужестранецъ не пойметъ,
Что̀ будетъ дико иновѣрцу!

Пусть онъ почувствуетъ въ себѣ
Всю святость узъ своихъ къ народу....
Но не проложеннымъ слѣдо̀мъ,
Не по стопамъ чужимъ и узкимъ,
Народъ, въ развитіи своемъ,
Пойдетъ, повѣрь, инымъ путемъ,
Самостоятельнымъ и Русскимъ!

Услышь, Господь, усердный зовъ:
Чтобъ самобытное начало
Своихъ разсѣяло враговъ

И иго нравственныхъ оковъ
Съ себя, презрѣнное, сорвало!

Ящеринъ.

Смѣшно твое негодованье,
Безумны дѣтскія мечты!
Уже-ли думать смѣешь ты,
Твое свершится ожиданье?

Скажи: что̀ дѣлалъ нашъ народъ,
Когда тяжелыми трудами
Другіе собирали плодъ,
Взращенный долгими вѣками?

Они собою движутъ міръ,
Гордяся опытомъ и славой;
Богатъ ихъ жизни, шуменъ пиръ,
Ихъ достоянье величаво!

Они рѣшатъ задачу намъ
Вопросовъ жизни и стремленья...
А гдѣ же ты своимъ мечтамъ
Нашелъ основу? Гдѣ спасенье?

Нѣтъ! обольщаться не спѣши
Одной потѣхою гремучей!
Гдѣ тѣ сокровища — могучей
Народа Русскаго души?

И я не чувствую ни мало
Въ себѣ пристрастья твоего:
Гдѣ, въ чемъ лежитъ *его* начало?
Что̀ намъ порукой за *него?*

Архиповъ.

Кто имѣетъ слухъ — да слышетъ,
Кто имѣетъ очи — зритъ;
Въ комъ живое чувство дышетъ,—
Въ томъ оно заговоритъ.
Я не дамъ тебѣ отвѣта,
Возражать не буду я:
Блескомъ внутренняго свѣта,
Жаромъ тайнаго огня,
Вѣчной истиной согрѣта
Жизнь народа для меня!

Раздаются звуки русской пѣсни: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»..... Ѣдутъ большіе розвальни, запряженные тройкой, въ которыхъ сидятъ человѣкъ до 10-ти мужиковъ и поютъ. Поровнявшись, они обмѣниваются съ ямщикомъ поклонами.

Ящеринъ.

Что̀ за народъ, откуда?

Ямщикъ.

Да съ работы, изъ города, къ празднику домой торопятся. Экъ ихъ тамъ насѣло! Любо, весело ѣдутъ.

Ящеринъ.

Ну, ну, пошолъ!

Ямщикъ *(погоняя).*

Эй вы, залетныя!

Архиповъ.

Какая пѣсня, что́?

Ящеринъ.

Ну хороша, конечно,
Готовъ признаться я. Но развѣ тутъ и все?
Позволь теперь чистосердечно
Сказать мнѣ про тебя сужденіе мое:
Хоть есть въ тебѣ и искреннее чувство,
Но пользы отъ того не вижу никакой!
Напротивъ, ты живешь одной своей мечтой,
Отъ дѣла ты отвыкъ и бредишь про искусство,
Насиліе творя душѣ своей,
Національное ты ставишь ей кумиромъ.
Напрасенъ трудъ: ей жить привольнѣй съ цѣлымъ міромъ,
Ей тамъ отраднѣй и свѣтлѣй!
Затѣмъ-то полонъ ты вопросовъ и сомнѣній,
И поэтическимъ мечтамъ
Не хочется, въ среду дѣйствительныхъ явленій
Сойдя, разрушиться.... вѣдь правда, знаешь самъ!

Архиповъ.

Отчасти, долженъ я признаться,
Что правда есть въ твоихъ словахъ:
Еще не могъ вполнѣ я съ жизнью уравняться,
Быть цѣльнымъ существомъ, хоть въ молодыхъ годахъ!
Но я тебѣ во всемъ другомъ противорѣчу....

Ящеринъ.

Постой, кто это къ намъ катитъ теперь на встрѣчу?

Ѣдетъ кибитка: въ ней лежитъ старый отставной офицеръ и куритъ трубку.

На городничаго Бѣловскаго похожъ,
Не правда-ль? Сходство этихъ рожъ
Разительно!....

Архиповъ.

Да ужъ не онъ ли самый:
Такіе же усы, и видъ такой упрямый?

Ящеринъ.

О нѣтъ! того я знаю коротко...

Въ это время сильный порывъ вѣтра выметываетъ нѣсколько искръ изъ трубки офицера и доноситъ отдаленный отзывъ пѣнія мужиковъ: „ужъ я въ три косы косила“. Офицеръ поспѣшно накрываетъ трубку, ложится опять и запѣваетъ въ полголоса: „ужъ я въ три косы косила“...

День вечерѣетъ. Повозка несется далѣе. Иванъ давно уже спитъ, качаясь на облучкѣ; но по временамъ, ударяясь о ямщика, кричитъ ему: „пошолъ!“ Ящеринъ лежитъ долго молча и потомъ мало-по-малу засыпаетъ. — **Архиповъ** *впадаетъ въ дремотное раздумье. Передъ нимъ, въ неопредѣленныхъ, смутныхъ образахъ, носятся его собственныя, разнообразныя думы, и слышится ему ихъ звучный шопотъ.*

Голосъ.

Кто слезы льетъ, простерши руки,
Отъ скорбной сердца полноты?
Чьи грусть тяжелая разлуки
Печалитъ нѣжныя черты?

Она стоитъ передъ иконой,
На ней дрожитъ лампады свѣтъ,
Ея молитва—обороной
Тебѣ отъ горести и бѣдъ!

То мчится въ даль она мечтою,
Покинувъ спящую семью,

То смотритъ съ тихою тоскою
На опустѣвшую скамью, —

Гдѣ ты всегда сидѣлъ, бывало,
Скучалъ покойною судьбою:
Она съ прискорбіемъ внимала
И говорила: Богъ съ тобой!

И силѣ той молитвы вѣря,
Ты бодрый духъ несешь въ себѣ...
Готовъ идти, не лицемѣря,
На встрѣчу жизни и борьбѣ...

О, что бы ни могло случиться,
Но знать отрадно каждый часъ,
Что есть кому за насъ молиться,
Кому любить и помнить насъ!..

Другой голосъ *(перебивая)*.

Жизнь общественная мчится,
И безъ устали, всегда,
Колесо ея вертится
Безъ замѣтнаго слѣда!
И одно другимъ смѣняя,
Жизни каждый мигъ, она,
Непрерывно отживая,
Новой жизнію полна!

Отъѣзжающему странно
Воротиться будетъ къ ней:
Все, что онъ носилъ сохранно
Въ глубинѣ души свой,
Все, что онъ живымъ оставилъ,

Всѣ вопросы, всякій споръ,
Что̀ любилъ, на что̀ направилъ
Любопытства полный взоръ;

Все, что̀ въ немъ въ опредѣленность,
Въ образъ твердый перешло,
Вся былая современность —
Все забыто, все прошло!
Все звучитъ воспоминаньемъ
Неумѣстнымъ и глухимъ,
Уступивъ мечтамъ, желаньямъ
И событіямъ другимъ!

***

Будетъ-ли такъ и съ тобою?
Грустью душа облеклась,
Думою волнуясь простою,
Что̀ ты найдешь, воротясь?
Все начатое — свершится,
Многаго слѣдъ пропадетъ,
Много должно измѣниться,
Много воды утечетъ!...

Надъ Архиповымъ пролетаютъ и нѣсколько разъ повторяются звуки стиховъ:

«Тебѣ; но голосъ музы томной
«Коснется-ль слуха твоего,
«Поймешь-ли ты душою скромной
«Стремленье сердца моего?»... *(перестаютъ).*

Еще разъ:

«Тебѣ; но голосъ музы томной»... *(умолкаютъ на время).*

Опять:

«Тебѣ; но голосъ музы томной

«Коснется-ль слуха твоего»...

. . . .

Зачѣмъ, откуда, безотвязно,
Безъ умолку звучите вы,
Такъ упоительно, несвязно,
Былые пробуждая сны?
«Поймешь ли ты душою скромной»...

. . . .

Какъ сладко, въ часъ успокоенья,
Когда вся жизнь кругомъ уныла и тиха,
Внимать гармоніи стиха,
Иль слышать издали несущееся пѣнье!

«Для береговъ отчизны дальной»

. . . .

Блаженъ, кто могъ здѣсь вдохновенья
Святой поэзіи узнать,
Всю безконечность упоенья
И всю восторговъ благодать!
Тотъ много жизни дней ненастныхъ
И грозъ и бурь простить готовъ
Затѣмъ, что столько есть прекрасныхъ
Волшебныхъ звуковъ и стиховъ!
Что многое стихомъ открыться
Намъ лучше всякихъ можетъ книгъ,
Что есть съ чѣмъ въ мірѣ позабыться,
Хоть на единый только мигъ!

Хоръ невидимыхъ.

Нѣтъ, напрасно, погоди!
Жизнь повсюду, впереди,
И кругомъ тебя несется;

Впечатлѣньями сполна
Надѣлитъ тебя она,
И нерѣдко содрогнется
Все въ тебѣ... но погоди!
Кто-то ѣдетъ впереди!

Ѣдетъ старый тарантасъ, поставленный на полозья и запряженный 6-ю лошадьми, съ форейторомъ.

Тарантасъ (*поетъ*).

Все живу я въ службѣ, да въ отвѣтѣ,
На своемъ помаялся вѣку;
Сколькихъ я возилъ на этомъ свѣтѣ,
Видѣлъ Волгу — матушку рѣку!

Помню день, какъ вышелъ я впервые
Изъ родной просторной мастерской;
Братья были у меня родные,
Всѣ они разсѣяны ѣздой!

Лѣто былъ я всякое въ дорогѣ,
А зимой по праву отдыхалъ;
Но увы! мои хозяинъ дроги
На полозья сдвинуть приказалъ!

И моихъ встревожили пенатовъ,
Беззаконно снарядили въ путь!
И теперь тащуся я въ Саратовъ:
Старъ ужъ я, пора мнѣ отдохнуть.

Мнѣ житье давно уже постыло;
Все на смерть здѣсь осудилъ Творецъ!
Я скриплю, скриплю теперь уныло,
Скоро я разрушуся въ конецъ!

Тарантасъ подъѣзжаетъ ближе. Въ немъ сидитъ подлѣ старой помѣщицы молодая дѣвушка прекрасной наружности и дремлетъ. Передъ нею также носятся разнообразныя видѣнія и звуки.

Голосъ (*напѣвая Архипову*).

Жаль мнѣ и грустно, что ты, молодая,
Будешь томиться въ глуши;
Жаль, что исчезнетъ въ тебѣ, увядая,
Свѣжесть прекрасной души!

Будешь подъ гнетомъ пустой и безплодной
Мелкихъ заботъ суеты,
Будешь подавлена жизнью холодной, —
Бѣдная дѣвушка, ты!

Другой голосъ (*напѣвая молодой дѣвушкѣ*).

Въ замѣнъ разлуки и печали,
Что̀ впереди тебѣ дано,
Что̀ въ безотрадно-грустной дали
Тебѣ судьбой обречено?

Зачѣмъ возможность понимала
Ты жизни лучшей и другой;
Зачѣмъ ты душу воспитала,
Зачѣмъ стремилась въ міръ иной?

И знай: должна уединенно
Твоя поблекнуть красота,
Промчаться юность постепенно,
Разбиться свѣтлая мечта!

Но заживетъ съ годами рана,
Съ своимъ ты свыкнешься житьемъ!

И всѣ мы, поздно, или рано,
Себя самихъ переживемъ!..

Экипажи разъѣзжаются. Передъ Архиповымъ возникаетъ образъ Бѣловскаго городничаго.

Городничій.

Прочесть я долженъ паспортъ вашъ;
Не то другимъ повадка.
Законовъ аккуратный стражъ,
Блюститель я порядка.
Давно служить имѣю честь,
Такъ у меня, повѣрьте, есть
Проворная приглядка!..
Своею властью могъ бы я
Вамъ способъ дать уѣхать,
Но... (*Исчезаетъ.*)

Повозка проѣзжаетъ мимо обширнаго, стараго барскаго дома, который видится издали Архипову, даже сквозь дремоту.

Голосъ.

Глядитъ онъ, мраченъ и угрюмъ,
Пустой, холодный и старинный!
Какъ много, много грустныхъ думъ
Встаютъ во мнѣ чредою длинной!

Была здѣсь нѣкогда семья,
Знавала счастіе и радость;
Подъ сѣнью тихаго житья
Росла, воспитывалась младость!

И былъ въ кругу домашнемъ ихъ
Свой міръ отдѣльный, міръ завѣтный;

Отвсюду вѣяло на нихъ
Знакомствомъ, дружбою привѣтной!

И этотъ паркъ, и этотъ садъ,
Для птицъ узорчатая клѣтка,
Столовъ, скамей зеленыхъ рядъ
И отдаленная бесѣдка,

И сходъ къ тѣнистымъ берегамъ
Рѣки излучистой, плотина,
И прудъ, и мельница, а тамъ
За рощей скрытая равнина...

Чего свидѣтелями вы
Въ былое время не бывали?
Какихъ забавъ, какой игры,
Какихъ тревогъ, какой печали?..

Когда-жъ для всѣхъ наступитъ сонъ,
Одна, быть можетъ, оставалась,
Съ тебя, возвышенный балконъ,
Безмолвьемъ ночи любовалась...

О чемъ тогда ея мечты,
О комъ была ея забота?..
Зачѣмъ такъ поздно съ высоты
Стремилась въ даль, ждала кого-то?..
И все промчалось...

(Домъ скрывается изъ глазъ.)

Другой голосъ.

Съ юныхъ лѣтъ въ тебѣ бывало
Все раздумью отдано́,

Беззаботному мѣшало
Наслажденію оно!
Все вездѣ тогда носило
Для тебя въ себѣ вопросъ...
Развилась младая сила,
Возмужалъ ты и возросъ!..
Но и нынѣ среди шумной
Разговорной суеты,
Легкомысленной, иль умной,
Погружаться любишь ты
Въ тѣ нѣмыя созерцанья
Лицъ, явленій,— каждый часъ
Безъ слѣда и замѣчанья
Проходящихъ мимо насъ!
Все иначе представало
Взорамъ внутреннимъ твоимъ,
Въ образъ новый возрастало,
Міромъ вѣяло своимъ!
Всѣ отдѣльныя явленья
Обрѣтали, расширясь,
Въ хорѣ царственномъ творенья
Гармоническую связь!

Но неопытной душою
Возмущался сильно ты,
Видя наглою бѣдою
Погубленные цвѣты!
Видя много золъ напрасныхъ,
Много горестей нѣмыхъ,
Слыша жалобы несчастныхъ
И тщету моленій ихъ!
Какъ развитію, движенью
Въ человѣческой семьѣ

Служатъ первою ступенью
Плачъ и слезы на землѣ!
И пока затихнуть можетъ
Безполезная борьба,
Сколько жертвъ она положитъ!
Какъ безжалостна судьба,
По законамъ властелинскимъ
Непреложности своей,
Давитъ ходомъ исполинскимъ
Жизнь отдѣльную людей!..

Такъ въ нѣмыя созерцанья
Погружаться любишь ты,
Пробуждать въ себѣ желанья
И высокія мечты!
И носиться въ мірѣ сложномъ
Чувства грусти и любви,
И въ участіи тревожномъ
Проводить младые дни!

Другой голосъ.

Окрѣпни духъ! воскресни сила!
Гони бездѣйствіе мечты!
Все то, что̀ грудь въ себѣ носила,
Осуществить не можешь ты!

Откинь же ложное стремленье
И чувствъ восторженныхъ порывъ:
Они приносятъ разслабленье,
Всѣ силы духа умертвивъ!

Твои безплодныя страданья,
Лишь даромъ возмущая кровь,

Твои безцѣльныя исканья
И безполезная любовь

Не разрѣшатъ тебѣ задачи,
Не измѣнятъ земли суда:
Все также горести и плачи,
Какъ были, будутъ и всегда!

Ты уносился въ міръ нездѣшній,
Ты отдалъ юности почетъ:
Пусть міръ дѣйствительный и внѣшній
Всего теперь тебя займетъ!

Его дѣла пробудятъ въ тѣлѣ
И бодрый духъ и силы вновь;..
Но на одномъ высокомъ дѣлѣ
Сосредоточь свою любовь!

Первый голосъ *(прерывая)*.

Кто изъ насъ въ былое время,
Полонъ скорби, не хотѣлъ
Облегчить чужое бремя,
Усладить чужой удѣлъ!
И бѣду и грусть лихую
Отогнать далеко прочь,
Утолить печаль чужую,
Горю всякому помочь!

И хоть знаешь: скорбь и муки
Все равно должны мы несть,
Знаешь ты, что здѣсь разлуки
Неминуемыя есть!
Что для всѣхъ таятся въ жизни

Неизбѣжные труды,
Что печаль и укоризны
Не защита отъ бѣды!

Но для мертваго воззрѣнья
Ты себя не воспиталъ;
Чувствъ живыхъ ограничѐнья
Ты душѣ не налагалъ!
Пусть живутъ въ тебѣ достойно
Заблужденья и мечты...
Но законность жертвъ спокойно
Признавать не можешь ты!

Другой голосъ.

Зачѣмъ же чувства въ васъ, прекрасныя, всегда
Работъ дѣйствительныхъ боятся?
Вамъ, видно, легче жить безъ всякаго труда,
Да въ отвлеченности скитаться!
Тотъ эгоистъ холодный и пустой...
. . . .
Спадетъ твоихъ сомнѣній шелуха
Сильнѣй восторжествуетъ чувство
И смѣло ты...

(Попадаютъ въ ухабъ. Ящеринъ и Архиповъ привскакиваютъ оба съ своихъ мѣстъ и смѣются).

Ящеринъ.

Вотъ ровный зимній путь! онъ разбудилъ меня!
Ну, кстати выкурить! Иванъ, подай огня!
Не нужно, нѣтъ: заснуть попробую я снова!
Да ты что́? спалъ, иль нѣтъ, не скажешь мнѣ ни слова!

Архиповъ.

Не знаю, спалъ ли я, дремалъ,
Но много, много, мнѣ казалось,
Я видѣлъ образовъ, яснѣе понималъ,
Чтò прежде мнѣ неяснымъ представлялось!
Вопросы разные, сужденья зрѣлыхъ лѣтъ,
И чувства юности, внутри противорѣчья,
Желанiе найдти себѣ отвѣтъ,
Вездѣ всегда со мной. Ихъ отъ себя отвлечь я,
Какъ ты, не силахъ; твоего
Я бъ не хотѣлъ холоднаго покоя:
Онъ разрушаетъ то, чтò для меня всего
Святѣе: чувство гонитъ онъ родное!

Ящеринъ.

Желаю я тебѣ найти
Себѣ по нраву разрѣшенье;
А я уже давно нашелъ успокоенье!
Прiятныхъ сновъ тебѣ, прости!...

ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦIИ.

Черная, бѣдная изба, освѣщенная двумя горящими лучинами. Подъ образами, за столомъ сидитъ человѣкъ пять мужиковъ-извощиковъ, подлѣ нихъ хозяинъ-старикъ. Двѣ бабы: одна старуха, сидитъ въ углу; другая, молодая съ добрымъ и прiятнымъ выраженiемъ лица, сидитъ подлѣ огня, прядетъ и безпрестранно вставляетъ новыя лучинки въ свѣтецъ. Ребятишки всѣхъ возрастовъ, въ изорванныхъ и грязныхъ рубашенкахъ, лежатъ частiю на полатяхъ, частiю на печкѣ, частiю сидятъ на полу. За перегородкой слышатся хрюканье свиней, мычанье телятъ и т. п. Мѣсяцъ свѣтитъ сквозь замерзшее окно.

Одинъ изъ извощиковъ.

Дай квасу, бабушка!

Старуха (*подавая квасъ*).

На, родимый, пей!

Другой извощикъ.

Эхъ, мѣсяцъ свѣтитъ! теперь бы и быть въ дорогѣ! А мы заплошали, ночку должны пережидать...

Хозяинъ.

А какъ дорога-то, ухабиста?...

Извощикъ.

Всяко случалось; гдѣ ухабиста, гдѣ какъ шаромъ покати. *(Слышенъ колокольчикъ; подъѣзжаетъ повозка.)* Да что̀, никакъ къ вамъ проѣзжіе?

Отворяется дверь: холодный воздухъ клубами врывается въ избу; входятъ Архиповъ, Ящеринъ и Иванъ, съ замерзшимъ мѣхомъ на воротникахъ.

Архиповъ.

Ухъ, холодно! Дай намъ мѣстечко, хозяинъ. Да принеси, Иванъ, изъ повозки погребецъ и все нужное. *(Иванъ уходитъ).*

Ящеринъ.

Пф! Что́, хозяинъ, нѣтъ у тебя другой избы, — по просторнѣе, по... чище?

Хозяинъ.

Нѣтъ, нѣту. Да мѣсто-то мы вотъ сейчасъ опростаемъ. Ну, ребята, поужинали, что̀ ли?

Извощики встают и крестятся на образа. Ящеринъ и Архиповъ, скинувъ шубы и мѣховые сапоги, располагаются въ углу. Иванъ приноситъ погребецъ, складной самоваръ и ставитъ на столъ чайный приборъ, ложки и пр.

Ящеринъ.

Да у тебя тамъ были восковые огарки. Зажги ихъ. *(Иванъ исполняетъ приказаніе.)* Съ этими лучинками ничего не видать! Да поставь самоваръ!

Одинъ изъ ямщиковъ *(другому).*

Господа-то запасливы.

Другой.

Не малаго и стоитъ...

Ящеринъ *(Архипову).*

Какая скверная изба! Ну есть-ли возможность жить въ такомъ хлѣву?

Архиповъ *(тихо).*

Полно! услышатъ!

Ящеринъ.

Diable! voilà une triste existence! On aurait peine à se faire idée d'une pareille misère!

Подаютъ самоваръ. Паръ бьетъ вверхъ и распространяется по избѣ. Ящеринъ и Архиповъ приготовляютъ чай. Мужики всѣ вмѣстѣ стоятъ въ углубленіи молча и смотрятъ.

Ящеринъ.

Voyez comme ces droles-là nous regardent! je n'ai rien

vu de plus niais! Ха, ха, ха, *(смѣется). (Архиповъ пожимаетъ плечьми).*

Одинъ изъ извощиковъ *(другому тихо).*

Это про насъ!

Ящеринъ.

А сливокъ нѣтъ у васъ!

Старуха.

Нѣтъ, батюшка, все на сметану къ разговѣнью пошло. Вѣдь вотъ ужъ посту 6-я недѣля идетъ.

Ящеринъ.

Да, бишъ, я и забылъ! Что̀ намъ лошадей...?

Хозяинъ.

Сей часъ запрягутъ. Дорога проселочная; лошадей мало; мужички всѣ въ городъ поѣхали, а оттоль еще не возвращались...

Молодая баба.

Мужу-то пора бы быть домой...

Ящеринъ (*Архипову шопотомъ*).

Посмотри, вѣдь очень недурна!... Какъ странно видѣть такія лица и въ этомъ классѣ, да еще въ добавокъ съ грустнымъ выраженіемъ?

Архиповъ (*также*).

Да, доброе лицо! и вести такую бѣдную, скучную жизнь!

Въ это время раздается плачъ ребенка. Молодая женщина

кладетъ веретено и качаетъ люльку. Маленькая дѣвочка подходитъ къ столу и смотритъ.

Архиповъ.

Ты чтò, дѣвочка, такъ на насъ уставилась? хочешь чаю, чтò ли?

Старуха *(отводя ее).*

Пошла, глупая, прочь! Вы, батюшка, не взыщите! Ей въ диковинку, вотъ что свѣчки горятъ.... Мы все лучину жжемъ.

Архиповъ.

А зачѣмъ же?

Старуха.

Куда намъ, батюшка! И съ хворостомъ-то, слава те Господи, еще справляемся.

Другой ребенокъ, возясь на лавкѣ, стукается объ стѣну и реветъ.

Ящеринъ.

Ну!....

Молодая женщина *(подбѣгая къ ребенку).*

Чтò, убился? Ничего, ничего, не плачь, родимый, не плачь, поди ко мнѣ....

Беретъ ребенка на руки, онъ перестаетъ плакать.—Мужики садятся молча на лавку.

Ящеринъ.

Чортъ знаетъ, какъ мы долго ѣдемъ! А завтра имя-

нины у Чечиныхъ! Пожалуй, не поспѣемъ. Надоѣло... Какой-ты, братъ, Архиповъ, скучный нынче! — Иванъ! допивай чай, а потомъ прибери все хорошенько, да оботри стаканы и серебро.

Иванъ прибираетъ чай, садится въ уголъ и пьетъ, говоря сидящему подлѣ него извощику.

Экой глупый мужикъ, гдѣ усѣлся, на барскомъ сапогу... пошолъ прочь, болванъ! *(Мужикъ сходитъ).*

Архиповъ.

Чтò вы, господскіе?

(Входитъ ямщикъ).

Ямщикъ.

Старому, баринъ, ямщику на водку.

Ящеринъ.

Плохо ѣхалъ.... на! *(Даетъ ему денегъ).*

Ямщикъ *(кланяется и подходитъ къ мужикамъ).*

Э, замерзъ совсѣмъ! Дайте, ребята, погрѣться у печки. *(Мужики даютъ ему мѣсто).* Вы отколь ѣдете?

Одинъ изъ мужиковъ.

А изъ-подъ Саратова. Еще съ Миколина дня...

Ямщикъ.

Съ своимъ товаромъ, аль съ чужимъ?

Мужикъ.

Съ чужимъ, купцовскимъ.

Ямщикъ.

Да ужъ не на ярманку ли, что въ селѣ Ростовѣ?

Мужикъ.

Нѣту, мы на Воронежъ....

Ямщикъ

А у насъ-то мужички всѣ на ярманку собираются.

Мужикъ.

А далече отсель?

Ямщикъ.

Верстъ двадцать будетъ. А и у васъ ярманка водится?

Мужикъ.

Бываетъ и у насъ. Вотъ и въ Михайловъ день было, товаровъ навезли и не вѣсть чтȯ изо всѣхъ земель... такая, народная была.... *(Продолжаютъ разговаривать между собою).*

Ящеринъ.

Хозяинъ, сколько тебѣ?

Хозяинъ.

Чтȯ пожалуетѐ.

Ящеринъ.

Ну, добро, говори... Мы у тебя ничего не брали...

Хозяинъ.

Да хоть пятиалтынный съ вашей милости...

Ящеринъ.

На! *(Бросаетъ ему деньги на столъ, потомъ насвистывая,*

ходитъ по избѣ). Чье это село мы проѣзжали, здѣсь не далеко, по проселочной дорогѣ, съ домомъ?

Хозяинъ.

Помѣщичье...

Ящеринъ.

Чтò, богатое село?..

Хозяинъ.

Да, прежде крестьяне жили изрядочно, а теперечa жаловаться стали... управитель изъ Нѣмцевъ и не вѣсть чтò творитъ!..

Ящеринъ.

А господа-то гдѣ?

Хозяинъ.

А Бóгъ знаетъ, ужъ они въ отчинѣ давно не бывали, годовъ съ десятокъ...

Ящеринъ.

Да гдѣ они живутъ-то, въ Москвѣ что-ли?

Хозяинъ.

Нѣтъ, не на Москвѣ, а сказывалъ мнѣ намеднясь мужикъ оттоль, что, говоритъ, должны быть, или въ Питерѣ или въ чужихъ сторонахъ... Денегъ, говоритъ, и Богъ вѣсть чтò посылаютъ. Господа-то далеко, говоритъ, такъ на Нѣмца и управы нѣтъ!

Иванъ *(который между тѣмъ, прибравъ все, выходилъ къ повозкѣ, возвращается).*

Готово-съ.

Ящеринъ.

А! одѣваться. *(Оба одѣваются).*

Ящеринъ.

На той станціи я все спалъ, теперь напился чаю и вѣрно спать не буду, что̀ мнѣ очень досадно...

Архиповъ.

Это всегда такъ кажется... Поѣдешь, подремлешь и заснешь! Особенно ты...

Ящеринъ.

Ну, а ваша милость что̀? Будете опять разнымъ видѣніямъ, думамъ и мечтамъ предаваться?...

Архиповъ.

Нѣтъ, ужъ теперь не разнымъ, а-одной. Ты помнишь, что̀ я тебѣ говорилъ въ началѣ той станціи?

Ящеринъ.

Что̀ это, о народѣ?

Архиповъ.

Да, и я еще живѣе убѣждаюсь въ этомъ. Какъ въ эту минуту, передъ дѣйствительностію всѣ остальныя и отвлеченныя думы блѣднѣютъ!...

Ящеринъ.

Смотри братъ, ты, кажется, на ложномъ пути. Nous parlons en énigmes et je crois que ces gens là ne nous comprennent pas....

Архиповъ.

Пусть и понимаютъ...

Ященинъ.

Какой ты сердитый! Пойдемъ...

Въ это время входитъ Петръ, сынъ хозяина, мужикъ лѣтъ 25, молится на образа, потомъ кланяется всѣмъ присутствующимъ.

Хозяинъ.

Здорово, Петруша! Ну, что? какія вѣсти?

Петръ.

Да плохо-ста!

Хозяинъ.

Ну?..

Петръ *(вѣшая кушакъ и тулупъ на перекладину).*

Да не хорошо дѣло. Былъ я въ городѣ и ходилъ съ гостинцемъ, ка́къ ты приказывалъ. Вотъ онъ и сказалъ мнѣ: ладно, говоритъ, это ты хорошо сдѣлалъ, что принесъ, а вотъ пришла изъ Петербурга вѣсть вѣрная: черезъ мѣсяцъ, говоритъ, по пяти душъ съ тысячи, наборъ!

(Всѣ мужики приподнимаются съ мѣстъ.)

Бабы.

Съ нами крестая сила!
Царица Небесная!

Ященинъ *(схватывая Архипова за руку).*

Partons, partons!

(Уходятъ и садятся въ повозку. Въ избѣ слышенъ женскій вопль).

Архиповъ *(Ящерину).*

Слышалъ? видѣлъ, а?

Ящеринъ.

Да, братъ видѣлъ; ну, что говорить! *(Машетъ рукой)* Ѣдемъ. *(Усаживаются).*

Иванъ *(скороговоркой).*

Ну, валяй скорѣе, господа не скупые, ѣдутъ на праздникъ, будетъ тебѣ и водка.

Ямщикъ *(трогая лошадей).*

Ну вы, голубчики, съ Богомъ!...

Колокольчикъ звенитъ; они ѣдутъ. Мѣсяцъ освѣщаетъ дорогу.

БРОДЯГА.

(ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ.)

Побѣгъ.

Сіялъ, безоблаченъ, сводъ неба голубой,
    На полдень солнце становилось.
Ни звуковъ, ни рѣчей: палитъ и пышетъ зной,
    Все будто спитъ, иль притаилось.
Жара и тишина! Манитъ издалека
    Безмолвный лѣсъ прохладной тѣнью;
Катилась медленно лѣнивая рѣка,
    Послушна вѣчному стремленью!
Крутаго берега бѣлѣется отвѣсъ,
    Водами вешними обмытый;
На немъ село; за нимъ, подалѣ, виденъ лѣсъ;
    Внизу копытами изрытый
Песокъ; вверхъ отъ рѣки ползутъ на косогоръ
    Дорожекъ узкіе извивы,
А тамъ отлогій скатъ, за нимъ лежитъ просторъ
    И все луга, луга да нивы!..

Благопріятный день! крестьяне дорожатъ
    Такими днями сѣнокоса,

И ни души въ селѣ! разбросаны лежатъ
Телѣги, снятыя колеса,
Да по плетню кой-гдѣ развѣшено бѣлье,
Подъ нимъ разостланы полотна.
Но тихо все кругомъ, и всякое жилье
Глядитъ такъ сонно, такъ дремотно!
Томитъ безвѣтріе. Лучъ солнца на пескѣ
Такъ горячо, такъ ярко блещетъ...
Лишь изрѣдка порой послышится въ рѣкѣ,
Какъ будто кто, купаясь, плещетъ!..

Запѣлъ пѣтухъ, другой. Окрестныхъ деревень
Поочередно, другъ за другомъ,
Пропѣли пѣвуны. На половинѣ день,
Пора труды смѣнять досугомъ!...

Да вотъ они! Изъ-за холмовъ
Несутся глухо гулъ и ропотъ,
И слышенъ въ полѣ дружный топотъ
Подъ ладъ ступающихъ шаговъ.
Домой косцы спѣшатъ соборомъ
И, пѣсню подхвативши хоромъ,
Поютъ:

«Ивушка, ивушка, зеленая моя,
«Что же ты, ивушка, не зелена стоишь,
«Или те, ивушка, солнышкомъ печетъ!
«Солнышкомъ печетъ, частымъ дождичкомъ сѣчетъ,
«Подъ корешокъ ключева вода течетъ!...»

Тянулся долго звукъ послѣдній
И стихъ. Слышнѣе голоса
И говоръ стали; вотъ коса

Сверкнула вдругъ изъ-за сосѣдней
Опушки лѣса; двѣ.... три.... пять....
Всѣ.... пѣсня грянула опять!

«Ѣхали бояре изъ Нова-города:
«Срубили ивушку подъ самый корешокъ,
«Стали они ивушку потесывати,
«Сдѣлали изъ ивушки два весла,
«Два весла, третью лодочку;
«Сѣли въ лодочку, поѣхали домой,
«Взяли, подхватили красну дѣвицу съ собой!...»

Слетѣла съ шумомъ стая птицъ,
Все ожило. Косцы отрядомъ
Идутъ; съ ихъ загорѣлыхъ лицъ
Обильный потъ катится градомъ;
Но вотъ у самаго села,
Вдругъ пѣсня дружно замерлà.
Кричатъ мальчишки: «наши, вота!»
Собачій лай, скрипятъ ворота,
И всякъ торопится домой
Къ избѣ утоптанной тропой!

*
* *

Всѣ по домамъ. Обѣдаетъ село.
Но простъ обѣдъ и длится по немногу,
И скоро, вставъ и помоляся Богу,
Усталые заснули тяжело.
Не спалъ одинъ. Забившись въ клѣть пустую,
Лежалъ да думалъ парень молодой....
Объ немъ-то вамъ я нынѣ повѣствую,
Объ немъ разсказъ правдивый и простой.
Чтожъ онъ, каковъ? Лицомъ не очень смуглый,

Ростъ семь вершковъ и подбородокъ круглый,
Носъ не великъ; особенныхъ примѣтъ
Не указалъ бы паспортный билетъ.
Темноволосъ; лѣтъ 20; худъ немножко,
Матвѣевъ сынъ и звать его Алёшка!...

Но парень былъ онъ знатный, хоть куда,
И пѣсни пѣть любилъ на хороводахъ,
Сказать словцо веселое на сходахъ,
И съ дѣвками шутить.... Да вотъ бѣда:
Къ крестьянской онъ не прилегалъ работѣ,
На барщинѣ гнела его тоска:
Не такъ ему, на волѣ, по охотѣ
Желалося добыть себѣ куска!
Хоть дома жилъ онъ тихо и нессорно,
Да все не то, все какъ то не просторно,
А за селомъ, куда ни взглянетъ взоръ,
Какая даль, какой лежитъ просторъ!

И онъ любилъ — народною молвою —
Знакомиться съ далекою Москвою...
«Вѣдь вотъ же мнѣ — онъ говорилъ тайкомъ —
«Не привелось родиться ямщикомъ!
«Чего здѣсь ждать? кого? какого чорта?...»
И онъ ходилъ просить себѣ паспорта!
Нѣтъ, говорятъ, ты лишнее тягло,
Женись, пора! Вишь ждетъ тебя Аксютка...
Бурмистръ упрямъ. Какъ быть? плохая шутка!...
И темное въ немъ чувство залегло!...

Чтожъ думалъ онъ, о чемъ? О томъ, что нà ночь
Ему, вечоръ, сосѣдъ — хромой Степанычъ
Разсказывалъ про подвиги свои:

Онъ «въ склонности къ побѣгамъ былъ замѣченъ»,
Иль, по-просту, онъ бѣгалъ раза три,
Былъ всякій разъ за это много сѣченъ
И наконецъ вернулся изувѣченъ,
Всегда на спросъ отвѣтствуя судей:
«Зачѣмъ бѣжалъ?...»
— «По глупости своей!»

Но самъ бѣжать Алешка не хотѣлъ.
«Нѣтъ — думалъ онъ — бѣжать изъ дому стыдно
«И нѐ съ чего... Хоть иногда обидно
«Бываетъ намъ, да ужъ таковъ удѣлъ!
«Оно, конечно, въ пятницу намедни
«Бурмистръ Корнилъ грозилъ мнѣ: «выкинь бредни!
« «Эй не дури, ты благо не женатъ,
« «Забрѣю лобъ, и будешь ты солдатъ!»

«Да смирно жить, такъ гнать не станутъ больно,
«А здѣсь отецъ старикъ... И то сказать,
«Давно Господь прибралъ старушку мать,
«А у отца насъ безъ того довольно...
«Добро бъ еще съ Парашкой подъ вѣнецъ!...
«Эхъ хороша! да скупъ ея отецъ!...»

Съ Парашкою? такъ вотъ еще причина!
У мóлодца другая есть кручина?...
Что грѣхъ таить! Была зазноба
Одинъ ли онъ, иль, можетъ, оба,
Но вѣрно то, что всякій разъ,
Когда они сходились вмѣстѣ,
Ему все мнится о невѣстѣ,
Она съ него не сводитъ глазъ.
Бывало въ праздникъ подъ навѣсы

Присядутъ дѣвки на скамьи —
Кругомъ ихъ парни и повѣсы
Одной деревни и семьи;
И тутъ-то къ слову, прибауткой,
Она его задѣнетъ шуткой,
И долго, долго ходитъ смѣхъ,
И онъ доволенъ, пуще всѣхъ!
И не насмотрится, бывало,
Да и сама Параша знала,
Что благость къ ней Господь явилъ,
Ее красой благословилъ!...

За то Алешку и досада
Брала, угрюмая, не разъ.
Въ Парашѣ былъ ему отказъ;
Чтожъ, думалъ онъ, чего мнѣ надо?
Чтожъ даромъ я крушу себя?
Зачѣмъ, куда суюсь безъ спросу?...
Не насмотрюсь на эту косу,
Не налюбуюсь на тебя,
На поступь ли твою павлину
На грудь, на шею лебедину,
Да что меня съ ума свели,
На очи бодрые твои!..

Но вотъ ужъ все въ глазахъ мѣшаться стало:
Парашка, клѣть, Степанычъ и Корнилъ,
Дрема сильнѣй и крѣпче налегала,
И сонъ его тяжелый полонилъ.

*
* *

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ;

По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулися съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова;
Тихо все. Часъ ночи не далекъ.
Подымался и улегся снова
На закатѣ легкій вѣтерокъ!...
Говоръ смолкъ: лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голосà...
Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій,
Пала сильнȯ нà землю роса.
По краямъ темнѣющаго свода
Тѣни всѣ, широкія, слились:
Встрѣтить ночь готовится природа;
Запахи отвсюду понеслись.
Въ тишинѣ жизнь новая творится.
Зрячею проснулася сова,
И встаетъ, и будто шевелится,
И растетъ, и шепчется трава!...

Гдѣ жъ крестьяне? День работавъ бодро,
Всѣ теперь за ужином́ъ они:
Толкъ идетъ, чтобъ устояло вѐдро,
Чтобъ еще продлились эти дни!
Нѣтъ, ужъ дождь ихъ къ утру не разбудитъ,
Облака давно сбѣжали прочь!...
Что за вечеръ!.. И какая будетъ
Теплая и мѣсячная ночь!

*
* *

Всходила ль луна на просторъ голубой,
Блистали ли звѣзды ночною порой,
И свѣтъ серебристый на хȯлмы и нà долъ,
На избы и клѣти, на улицу падалъ, —

Деревня не скоро уляжется спать,
И старый и малый выходятъ гулять!
На небо, на звѣзды, на мѣсяцъ полнóчи
Безъ устали смотрятъ, любуются очи,
И ставъ на дорогѣ веселой толпой,
Ведетъ хороводы народъ молодой.
При мѣсячномъ блескѣ смѣняются лица,
За дѣвицей парень, за парнемъ дѣвица,
И пѣсни поются почти до утрà,
А съ утромъ работы настанетъ пора!...

Гдѣ жъ парень удàлый, Алешка повѣса?—
Поодаль, на лавкѣ, подъ сѣнью навѣса,
Щекой прислонившись къ рукѣ, онъ сидѣлъ
И долгія, долгія пѣсни онъ пѣлъ...
Онъ пѣлъ про тоску, про злодѣйку кручину,
Про мóлодцевъ добрыхъ, лучину-лучину,
Про бѣлые снѣги, про темную ночь,
Про дѣвицу-душу, отецкую дочь,
Онъ пѣлъ про село, про знакомое горе,
Про дальнюю степь, незнакомое море,
Про Волгу-раздолье, бурлацкій привалъ...
И бéзъ-вѣсти къ утру Алешка пропалъ!...

Бурмистръ.

Корнилъ бурмистръ ругается,
Кузьма Петровъ ругается,
И шумъ и крикъ на улицѣ,
Три дня прошло, Алешки нѣтъ,
Пропалъ Алешка бéзъ вѣсти.

Денечка три повыждали,
И ныньче лишь, ранехонько,
Кузьма Петровичъ, староста,
Сказалъ о томъ Демьянычу.
Какъ взбѣсится Корнилъ бурмистръ,
Какъ замахалъ, задвигался!
Подай отца!.. Зовутъ отца.

Охъ, тошно было старому,
Не мало онъ кручинился;
Вѣщуетъ сердце старое,
Что не бывать ужъ сви́дѣнью,
Алешкѣ не ворочаться!
Его бранилъ, себя бранилъ,
Просилъ у Бога милости,
Чтобы простилъ онъ блудному,
Чтобъ вразумилъ безумнаго,
Не допустилъ бы глупаго
До худа непоправнаго!...

Матвѣй Лукичъ! Ступай—зовутъ!
Охъ, тошно горемычному!
Идти ему не хочется,
Отвѣтъ давать приходится,
Передъ людьми позориться,
А тутъ, гляди, на улицѣ
Какъ будто сходка цѣлая.
Плетутся другъ за дружкою,
Со всѣхъ концовъ сбираются,
Безъ зова созываются!..
Бабья-то сколько, Господи,
Туда жъ понатолкалося!...

Стоитъ себѣ Степанычъ тутъ,
На палку упирается,
Молчитъ и не промолвится,
Лишь борода шевелится,
Усъ только смѣхомъ дергаетъ!..
Смелкнулъ хромой, да прежде всѣхъ,
Съ Алешкой чтȏ подѣлалось,
Догадливъ былъ онъ нé съ проста:
Его разсказы буйные
Мутили сердце молодцу!

Вишь, и ее нелегкая
Туда несетъ на сходбище:
Кузьмы Петрова, старосты,
Жена его, Пахомовна!
Какая баба тучная,
Какая баба сплетница,
Сварлива и назойлива:
Когда другой ругается,
Подругивать охотница!...

Пришелъ Матвѣй, пришелъ Лукичъ,
И слышитъ онъ укорныя
Себѣ слова позорныя:
Что сына онъ сберечь не могъ,
Не вразумлялъ терпѣнію;
Что міру провинился онъ,
Убавилъ имъ работника!
Такой сякой и ты и сынъ!...
Бурмистръ Корнилъ ругается,
Кузьма Петровъ ругается,
А тутъ же и Пахомовна!

Не выдержалъ Матвѣй Лукичъ,
Вдругъ на нее накинулся:
«Молчи ты, вѣдьма старая,
«Вишь, отощала, постница!»
И гулъ пронесся хохота,
Смѣются всѣ надъ бабою,
Надъ бабою Пахомовной!

Махнулъ рукой бурмистръ Корнилъ,
За земскимъ шлетъ онъ старосту,
Велитъ писать скорехонько
Въ судъ земскій объявленіе.
Крестьяне всѣ расходятся,
Да жаль имъ стало бѣднаго
Отца Алешки стараго:
«Чтò, старичекъ, кручинишься,
«Грѣшна тоска предъ Господомъ;
«Далъ крестъ тебѣ Онъ нà плечи —
«Неси его съ терпѣніемъ!»

Стоятъ ребята кучками,
Алешку вспоминаючи,
Плетутся толки разные,
Жалѣютъ парни мòлодца,
А больше парней—дѣвицы,
Но больше ихъ и больше всѣхъ
Одна крушится дѣвица....

*
* *

Проворенъ земскій: написавъ прошенье,
Понесъ его начальству на прочтенье.
«Написано? сказалъ бурмистръ: ну чтожъ?»

—«Сего числа и мѣсяца и года,
«Ананьина села, Хохлово тожъ,
«Крестьянскій сынъ Матвѣевъ Алексѣй,
«Примѣтъ такихъ, не учинивъ законно —
«Противнаго, до солнечнаго всхода,
«Въ ночь учинивъ побѣгъ, притомъ вещей,
«Кромѣ одежи собственной своей,
«Не сдѣлавъ сносу; гдѣжъ онъ—неизвѣстно.
«О чемъ прошу сей Земскій судъ покорно
«Сіе мое прошенье благосклонно
«Принять, мнѣ копію съ него вручивъ,
«Порядкомъ надлежащимъ закрѣпивъ.»
—«Ну вотъ и все!»
—«И дѣльно и проворно.»
—«Да чтожъ, Корнилъ Демьянычъ, не впервой! —
Отвѣтилъ земскій: трудимся посильно!»
Доволенъ онъ Корнильевой хвалой
И пальцы третъ кафтанною полой,
Чернилами испачканные сильно.
Готова лошадь. Въ земскій судъ Корнилъ
Рѣшился самъ поѣхать съ объявленьемъ,
Да на базаръ къ купцу и съ порученьемъ....
Въ телѣгу сѣлъ и пылью запылилъ!

Верстъ тридцать пять, не больше, отъ Хохлова
До ближняго лежало городка;
Объ немъ теперь я не потрачу слова;
Онъ былъ какъ всѣ: гора, оврагъ, рѣка,
Заставы нѣтъ, стѣна не облегала,
Не видно въ немъ конца или начала!..
Но издали, казалось, на горѣ,
Такъ тѣсно въ немъ домà, сады и кровли
Толпилися, пріютно для торговли,

И въ ясный день, при солнечной игрѣ
Кресты церквей горѣли и сверкали....
Но въ городѣ всѣ врозь они стояли:
Вездѣ пустырь и вдоль его заборъ;
Въ срединѣ — площадь, будка и соборъ,
И подлѣ — домъ, — въ замѣнъ другой огласки —
Въ два яруса, извѣстной желтой краски!

Тотъ городъ былъ не старый и не новый;
А такъ себѣ. Вотъ взъѣхалъ: видитъ онъ:
Былъ гдѣ-то въ церкви праздникъ; идутъ вонъ,
И все народъ служилый и торговый!
Вотъ, ускользнувъ отъ скуки дѣловой,
Въ ущербъ казнѣ и службѣ въ проволочку,
Попа Кузьмы хорошенькую дочку
Слѣдитъ въ толпѣ приказный молодой!...
Приходитъ въ судъ. На лѣстницѣ, въ передней,

Толпа крестьянъ, крестьянокъ и дѣтей;
Кто такъ стоитъ, кто тутъ же, безъ затѣй,
Обѣдаетъ. Вотъ волости сосѣдней
Знакомые изъ ближняго села, —
А въ комнатѣ растворенные шкапы,
Столы, писцы, кругомъ бумагъ охапы,
Бумагъ, бумагъ, бумагамъ нѣтъ числа!...
Его зовутъ. Чрезъ комнату проходитъ.

Чиновный людъ глазами косо водитъ,
Едва взглянулъ письмоводитель самъ,
Макаръ Ѳомичъ. Бурмистръ въ другую. Тамъ
Въ усахъ, дородный, нѣкогда военный,
Теперь въ судѣ, — начальникъ преотмѣнный,
Подписывалъ бумаги за столомъ;

Онъ хорошо съ бурмистромъ былъ знакомъ:
«А, старый плутъ! здорово, что такое?»
— «Да ничего-съ, прошеньице пустое»....
«Давай, давай, посмотримъ!... что, бѣжалъ?...
«Эхъ дурачье! Вѣдь хуже будетъ имъ же!»
И взявъ перо, онъ твердо написалъ
Годъ, мѣсяцъ, день, и съ боку: «къ таковымъ же!»
«Ну, братъ Корнилъ! измученъ, чортъ возьми!
«Ну вѣришь ли, день цѣлый за работой,
«Все самъ, вездѣ, свой глазъ, своей заботой!
«Бѣда, бѣда мнѣ съ этими людьми,
«Какъ разъ подъ судъ, коль не мое умѣнье!...
«Макаръ Ѳомичъ!... Вотъ на тебѣ прошенье,
«А книга, чай, гдѣ вписывать, пуста?»....
— «Пуста.»
— «Ну такъ! А явочныхъ-то много?
Штукъ десять есть?»
— «Да будетъ и пол-ста.»

— «Ну вотъ, прошу!... Приказываю строго,
«Чтобъ все сей-часъ внести и записать,
«Чтобъ былъ во всемъ, какъ слѣдуетъ, порядокъ!...
«Ну видишь самъ: ни шагу безъ оглядокъ!»...

Макаръ Ѳомичъ оставилъ ихъ опять.

«Что, Ваша милость, скоро ль къ намъ въ Хохлово?» —
— «Да скоро, братъ, проѣздомъ изъ Соснова:
«Дня черезъ три туда отправлюсь самъ,
«А отъ тебя къ Сычевскимъ господамъ;
«Хоть и не радъ: не больно хлѣбосольны!...»
— «Что такъ? Мы вашей милостью довольны....» —
— «Ты говори!... Да тамъ, отъ нихъ верста,

«Въ лѣсу нашли израненное тѣло:
«Убили, знать, какого-то скота,
«Сынъ — жалобу, и завязалось дѣло!
«Ну, здѣсь тебя держать я не хочу....
«Что тамъ у васъ, не жнутъ?»
— «Покуда косимъ.»

— «Такъ свидимся, прощай!...»
— «Прощенья просимъ!...»
Бурмистръ тотчасъ къ Макару Өомичу:
«Макаръ Өомичъ! Что, справиться нельзя ли
«О купленномъ мной лѣсѣ воровскомъ?...»
— «Обдѣлано.... списали и послали;
«Ко мнѣ ступай, я самъ приду потомъ.»
— «Иду, иду!..»
Доволенъ нашъ проситель;
Вновь за перо взялся письмоводитель:
Пошла писать! Такъ и строчитъ слова!..
Ну, мастеръ былъ, дѣлецъ и голова!

Шоссе.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору не мало взяла ты у Бога,
Ты вдаль протянулась, пряма, какъ стрѣла,
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнемъ убита, жестка для копыта,
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта!...
Въ тебѣ что ни шагъ, то мужикъ работàлъ:
Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ;
Все дружною силой и съ пѣснями взято, —
Вколачивалъ молотъ и рыла лопата,

И дебри топоръ вѣковыя просѣкъ....
Куда какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ!
Чего онъ не сможетъ, лишь было бъ терпѣнье,
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!...

А съ каменкой рядомъ, поодаль немножко,
Окольная вьется, живая дорожка!
Дорожка, дорожка, куда ты ведешь,
Безъ званья ли ты, иль со званьемъ слывешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣчку и гору!
Не много ты мѣста себѣ отняла:
Просторомъ телѣжнымъ легла, гдѣ могла!
Тебя не ровняли топоръ и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата,
И кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха...
Грязна ты въ ненастье, а въ вёдро суха!...

Тихо; воздухъ безъ остуды
Душенъ, знойный Листья спятъ.
По дорогѣ камней груды,
Раскаленныя, стоятъ:
Для того, чтобъ тѣмъ камѐньемъ,
Раздробивъ его съ умѣньемъ,
Всю дорогу намостить,
И тяжелый, твердый щебень,
Засадивъ въ бока и въ гребень,
Гладью цѣльною сплотить!...

Вотъ куда тебя отвага
Принесла на вольный трудъ:
Потаскушка, побродяга,
Ты опять, Алешка, тутъ!

Послѣ многихъ дней бродячихъ,
Пѣсни звонко поючи́,—
На камняхъ засѣвъ горячихъ,
Подъ палящіе лучи,—
Снявъ зипунъ, его, какъ знамень,
Онъ раскинулъ на сучки,
Тяжкимъ камнемъ бьетъ о камень,
Молоткомъ дробитъ въ куски.
Вотъ съ огромнымъ, черезъ силы,
Камнемъ руки поднялись,
Посинѣвши, вздулись жилы,
Мышцы туго напряглись;
Тяжело приподнимаетъ....
И въ погахъ держа другой,
Быстро внизъ къ нему спускаетъ,
Камни сшиблись, пыль взлетаетъ!...
Откололся край большой,
Свѣжій, полный искръ блестящихъ...
Такъ, по всей дорогѣ тамъ,
Было много работящихъ,
Колотившихъ по камнямъ!...

Вонъ столбъ на дорогѣ сгнившій торчитъ.
Въ немъ выдолбленъ выемъ, тамъ образъ стоитъ.
И съ кружкой, въ надеждѣ на щедрую ревность,
Сидитъ у подножья убогая древность —
Старикъ, и. завидѣвъ пылящихъ въ дали,
Сѣдую главу онъ склонялъ до земли,
Дрожащую руку протягивалъ тихо....!
Посмотритъ: давно ужъ промчалися лихо!....

* *
*

Но какъ сюда Алешку принесло?
Каменья бить — сго ли ремесло?

Прослышалъ онъ про цѣнную работу
(Красна цѣна! кого не заманитъ!);
Онъ въ Дылдино, къ подрядчику Ѳедоту:
Вотъ такъ и такъ, желаю! говоритъ.
Ѳедотъ Кузьминъ, въ одной косовороткѣ...
(Пройдоха былъ! Дѣла большія велъ,
Снималъ кругомъ подряды въ околодкѣ,
Знакомъ былъ всѣмъ, въ пріятельство вошелъ
Съ сосѣдними дворянскими тузами,
Имъ угодитъ и самъ-то съ барышами!
Чуть взбѣсятся: онъ, боекъ и рѣчистъ,
Докажетъ вмигъ, что онъ и правъ и чистъ!
За то его, въ томъ мѣстѣ пресловутомъ,
Любили всѣ и *чествовали плутомъ*.
Хозяинъ къ нимъ изъ Нѣмцевъ наѣзжалъ:
Тотъ, всякій разъ, толкуя про работу,
За бороду подрядчика трепалъ
И съ милостью говаривалъ Ѳедоту:
«Ты плутъ, Ѳедотычъ!...» (былъ же онъ Кузьминъ!)

Такъ у воротъ, на лавочкѣ одинъ,
Скончавъ обѣдъ, досужною порою
Ѳедотъ сидѣлъ съ открытой головой
И дочку онъ въ рукахъ своихъ держалъ,
И ласки пѣлъ дѣвчонкѣ-замарашкѣ,
Самъ въ плисовыхъ и въ ситцевой рубашкѣ...
И тутъ его бродяга нашъ засталъ.
«Эхъ молодъ ты! не по тебѣ работа!
«Силенки чай не хватитъ? иль займешь!...»
—«Да ты скажи, берешь иль не берешь,
«А силъ занять ужъ не твоя забота,
«Увидишь самъ...»

—«Ну, ну, ступай, добро,

«Вотъ прямо все, къ Холмамъ...»
—«Найдти съумѣемъ!»—
—«Укажутъ тамъ... А кликать?...»
—«Алексѣемъ
«Матвѣевымъ.»—
Цѣна жъ на серебро
Была рублей... навѣрно положеній
Не знаю я, но мѣдными съ сажени
Онъ за 20 и болѣе считалъ,
Пришелъ въ Холмы, и тамъ ему приказчикъ
Вручилъ чурбанъ и молотъ, да образчикъ,
И мѣсто гдѣ, съ камнями, показалъ...

***

Грѣшную землю своей благостынью
Щедро тѣмъ лѣтомъ Господь посѣтилъ,
Добрымъ ненастьемъ и мягкой теплынью
Жгучее вёдро на долго смѣнилъ!
Ясными днями прошла сѣнокоса,
Громкая дружно скончалась гульба...
Въ дождь и овсы и гречиха, и просо,
Всѣ поднялись яровые хлѣба!...
Новую зелень раститъ луговина,
Много грибовъ показалось въ тѣни....

Жаркаго лѣта пришла половина,
Красные снова вернулися дни!
Нива безвредно дождемъ оросилась;
Высохла быстро, зерномъ налилась:
Рано ты нынче, о рожь колосилась,
Пышно цвѣла ты, самъ-дѐсять далась!...

Ну-те вы, дѣвки, покиньте прохлады:
Вновь оржаныя, томящія страды!

Въ полѣ разсыпьтесь, берите серпы,
Жать и вязать золотые снопы!...
Лѣвой рукой забирая колосья,
Каждая правой ихъ рѣжетъ серпомъ,
Звонко другъ дружкѣ пошлютъ отголосья,
Выжатымъ вмѣстѣ сойдутся путемъ.
Прочь сарафаны! иль жаръ васъ ознобитъ?
Душно ль вамъ стало? купанье пособитъ!...
Ну же, бѣгите, не такъ вдалекѣ,
Шумной толпой окунуться въ рѣкѣ:
Съ бѣлаго тѣла рукой загорѣлой
Быстро скидая суровую ткань,
Въ волны студёны бросайтеся смѣло....
Хохотъ и плескъ и шутливая брань!...
Тише вы, тише!... подруги, не бàлуй:
Парни услышатъ и придутъ пожалуй!...

*
* *

Такъ отъ Хохлова до Холмовъ
Повсюду жатва на уборѣ.
Пустѣетъ долъ: просторъ хлѣбовъ,
Ужъ не волнуется, какъ море!
Повсюду острымъ лезвеемъ
Сталь полукружная сверкала,
И нива, сжатая серпомъ,
Соломой рѣзаной торчала.

Тѣмъ временемъ, бродяга нашъ
И въ дождь и въ жаръ балясъ не точитъ,
Когда укроется въ шалашъ,
Когда дождемъ его помочитъ.
Ночлегъ держалъ нерѣдко онъ
У мужика въ избѣ сосѣдней,

Въ Холмахъ — отъ всѣхъ ему поклонъ,
Былъ въ хороводахъ не послѣдній.
И славно трудъ ему дался:
Съ одной покончилъ онъ саженью,
Вотъ за другую принялся,
И деньги взялъ по уложенью.
И стало пуще веселѣй,
Купилъ рубахъ, одежи новой...
Съ нимъ неразлученъ былъ Матвѣй,
На все согласный и готовый.

Такъ время шло; короче дни.
Ночь длилась дольше до разсвѣта,
Но все же бѣлымъ днемъ опи
Еще богаты! Все же лѣто!...

День вечерѣлъ. Косая тѣнь
Ложилась низко и широко...
Заутра праздникъ, вѣщій день
Ильи, гремящаго пророка...

Приди ты немощный,
Приди, ты, радостный!
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной.
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій,
Въ поляхъ разносится!

Въ Холмахъ, селѣ большомъ
Есть церковь новая;
Воздвигла Божій домъ

Сума торговая;
И службы Божіи
Богато справлены,
Иконъ поднóжія,
Свѣчьми уставлены.
И старъ и млàдъ войдетъ:
Сперва помолится,
Поклонъ земнóй кладетъ,
Кругомъ поклонится;
И стройно клирное
Поется пѣніе,
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому̀ въ удѣлъ
Страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣлъ,
Густой отъ ладона,
И заходящими
Лучами сильными,
И вкось блестящими
Столбами пыльными —
Отъ солнца — Бóжій храмъ
Горитъ и свѣтится;
Стоитъ Алѐшка тамъ
И также свѣтится
Довольствомъ, радостью,
Здоровьемъ въ дóбрый часъ,
Удачей, младостью
И тѣмъ, что въ пѐрвый разъ

На кружку вынулъ онъ
Изъ сумки кожаной
И слышалъ мѣдный звонъ
Копѣйки вложенной,
Въ трудѣ добытой имъ...
Въ окно жъ открытое
Несется си́ній дымъ,
И пѣнье слитое...

Звонятъ ко всенощной
Къ молитвѣ благостной...
Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный!...
Въ Хохловѣ та̀кже звонъ;
Въ немъ также хра̀мъ стоитъ;
Бѣднѣй убра̀нствомъ онъ,
Поменьше свѣ́чъ горитъ;
Но дружно клирное
Поется пѣніе,
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому́ въ удѣлъ
Страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣлъ,
Густой отъ ладона,
Волнами си́нихъ тучъ
Всѣ лица скрадывалъ,
И солнца сла̀бый лучъ
Едва проглядывалъ

Въ стемнѣвшій Бо̀жій храмъ,
Сквозь рощи близкія...
Стоитъ Пара̀ша тамъ:
Поклоны низкіе
Передъ иконами
Кладетъ не по̀ разу,
Вслѣдъ за поклонами
И свѣчку къ о̀бразу
Усердно вправила:
Ему въ спасеніе,
Ему во здравіе,
На возвращеніе
Домой бродячаго...
О комъ же мо̀лишь такъ?
Худа ты для чего?
Что очи кра̀сны такъ?
Ты вѣрно плакала,
Иль ночь работала?...
Взгрустнувъ, поплакала,
Но не работала!...

Новый побѣгъ.

«Алешка братъ, кончаю я сажень,
«Да не стоитъ и за тобой работа!
«Эхъ горе-то! Опять пришла забота,
«А мнѣ бродить, ей-Богу, стало лѣнь!

Такъ, поздно, близъ песчанаго сугроба,
Тамъ у шоссе, за грудою камней,
Поужинавъ, они лежали оба:

Бесѣду велъ съ Алешкою Матвѣй,
Ужъ ночь, и мѣсяцъ, съ частыми звѣздами,
Прозрачными прикрылся облаками....

Алексѣй.

Ну здѣсь въ селѣ навѣрно до зимы
Съ тобой, какъ разъ, работу сыщемъ мы,
А тамъ и въ путь... Я чай, пробраться можно
Безъ пашпорту!.. Въ Москву бы я хотѣлъ!..

Матвѣй.

Какъ до зимы! Намъ срокъ давно приспѣлъ,
Пора идти. Здѣсь мѣсто не надежно;
Здѣсь мѣсто бой, да и бѣда близка.
Ты слышалъ ли, что давича Лука
Хозяину сказалъ на угощеньѣ
(Онъ служитъ тамъ, при волостномъ правленьѣ):
Исправнику въ наградахъ былъ отказъ.
Отвѣтъ таковъ, что не за что, молъ, васъ!
Что еслибъ вы разбойниковъ поймали,
Иль тѣхъ, что бьютъ фальшивые рубли...
Да, говоритъ, искалъ, да не сыскали;
Разбойниковъ! Давно перевели! —
А тѣхъ, что бьютъ фальшивую монету?
Да гдѣжъ ихъ взять? Ну нѣту, просто нѣту! —
Чтожъ, говорятъ, несчастье видно вамъ!..
Такъ онъ теперь, озлясь, по деревнямъ,
По селамъ всѣмъ вездѣ снуетъ и рыщетъ,
Базпáспортныхъ, все нашу братью ищетъ!
Нѣтъ, говоритъ, ужъ быть по моему:
Не тѣмъ, такъ вотъ, бродягами возьму:
Хватаетъ всѣхъ, и будто за межою
Чужихъ становъ!

Алексѣй.

Чтожъ много толковать!
Вѣдь намъ съ тобой не собираться стать!
Да здѣшней я наскучилъ стороною!
Кудажъ идти?...

—«Богъ помочь, молодцы!»
Вдругъ раздалось; глядятъ во всѣ концы;
Посыпались каменья, захрустѣли
У шалаша сухія вѣтви ели.
Вотъ что-то тамъ, средь мрачной пустоты
Шевелится чернѣе темноты....
Приблизилось.... А на небо дугою
И мѣсяцъ кстати выплылъ изъ-за тучъ:
Глядятъ: старикъ съ клюкою и сумою,
Сѣдой, какъ лунь, но статенъ и могучъ,
И кушакомъ подтянутъ. Сверхъ сермяжный
На немъ озямъ и шляпа безъ полей,
Короткая; сверкаетъ духъ отважный
И шибкій нравъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей.
Хорошъ бы всѣмъ, и голосъ зыченъ,
Да дерзокъ видъ и старцамъ неприличенъ!

Смутились наши. «Эй, куда, постой!
«Ты что за гусь? Куда ты лѣзешь, старый?...»
—«Не бойтеся! Вамъ человѣкъ я свой:
«За дружбой къ вамъ пришелъ я, не за сварой!...»
—«Ну, ну, зачѣмъ?»

—«Да дайте жъ отдохнуть!
«Умаялся.... Никакъ у васъ уголья?....
«Да и есть и жаръ? Погрѣюсь... вотъ приволье!...»
Прилегъ старикъ и сталъ въ уголья дуть,

И пепелъ сдулъ, и углей вспыхъ багровый
Ему лицо мгновенно озарилъ.
Свѣжѣе ночь; заходитъ мѣсяцъ новый,
Вотъ огонекъ тревожно запылалъ....
«Вишь, старый чортъ, гляди-ка! будто дома!
«Оно, кажись, не очень-то знакомо!
Сказалъ Матвѣй: отколѣ ты, постой!...»
—«Кто, я отколь? Я бѣглый; ты какой?...
«Небось, смолчалъ! Что расходился больно!...»
—«Ну полно вамъ, вступился Алексѣй,—
«Откуда ты?»

—«Съ Саратовскихъ степей.»
—«Съ Саратовскихъ!... Слыхалъ про нихъ довольно;
«Степанычъ нашъ ходилъ туда въ извозъ.
«Съ Саратовскихъ! Откуда Богъ принесъ!
«Эй разскажи!...»

—«Тебѣ зачѣмъ? Пустое!
«Ты не туда сбираешься, такъ чтожъ?
«Я разскажу, а примется за ложь!...»

Алексѣй.

Ну, полно же! Что тамъ? Житье какое?

Старикъ.

Гм!... Да, у насъ не здѣшніе края!
Тамъ хорошо!... Тамъ родина моя!...
Да мнѣ пришлось терпѣть иную долю!...
Тамъ, братъ, не то: земли, угодій въ волю,
Кусочками тамъ пóля не кроишь,
Такъ, вспашешь разъ, и землю не гноишь:
Сама родитъ! Засѣялъ ты пшеницей,

У васъ самъ-пять, а тамъ отдастъ сторицей!
Гм!... За травой, за сѣномъ ли пойдешь, —
Ступай себѣ, коси, не безпокоясь!
Что море — степь! Трава ростетъ по поясъ,
Возъ выкосишь, а на десять помнешь!
Чего тутъ нѣтъ, и вишенье и просо,
Бобы, горохъ... Все мнутъ себѣ колеса!....
Ямщикъ ли ты? Коней себѣ купи,
Башкирскихъ, братъ, степной породы, кровной!
Я самъ не разъ, дорогой гладкой, ровной,
Хозяиномъ катилъ себѣ въ степи!...
За промысломъ ли ты? Что думать долго?
Тамъ есть у насъ рѣченка подлѣ.... Волга!...

Алексѣй.

Ой?

Старикъ.

Да, я самъ спускался на легкѣ
По матушкѣ по Волгѣ по рѣкѣ,
Подъ Астрахань и даже дальше, въ море...
Вотъ тамъ-то, братъ, тамъ золотое дно:
Бѣлугами полнехонько полно!
Осетръ, тюлень, севрюга... словно въ сборѣ!...
Ужъ прибыльно! Въ весенній ранній ловъ
Кишма кишатъ у береговъ,
Сплошной стѣной стоятъ подъ учугами!...
Ей Богу, такъ! Пошли-бъ, узнали сами!...
Да что ловцы! Весной, повѣришь ты,
Руками дѣвки ловятъ за хвосты, —
Такъ, въ лодочкѣ шаля одновесельной!...

«Вотъ знатный край! Ты слышишь ли Матвѣй?
«Ай хорошо!» промолвилъ Алексѣй.

Матвѣй.

Да, вѣрь ему! и берегъ тамъ кисельный.
Медовый токъ, и мало ли чего!...

Старикъ.

Эхъ, молодецъ, не слушай ты его!
Вѣдь съ дуру, такъ, ворчитъ онъ, бѣлобрысый!
Про Астрахань пословицу слыхалъ,
Что осетра мужикъ въ печи поймалъ?...

Алексѣй.

А далекò ль?

Матвѣй.

— Да вретъ онъ много, лысый,
А ты и радъ! Нельзя подняться вдругъ!...

Алексѣй.

А какъ нельзя? Да здѣсь бѣда вокругъ,
Ты знаешь самъ, здѣсь и попасться можно,
Здѣсь мѣсто — бой, здѣсь мѣсто не надежно....
Ну, онъ привралъ!... Да врутъ они не всѣ ль?
И правда есть!

— «Кисель хоть не кисель,
Сказалъ Матвѣй, а точно край богатый,
«Я имъ сосѣдъ, и рыбой тароватый,
«Да шутка ли, вѣдь верстъ не пятьдесятъ!...

— «Эхъ, мать моя, куда ты плоховатъ!
Старикъ въ отвѣтъ: «вотъ онъ, такъ смыслитъ дѣло!
«Послушайся и отправляйся смѣло
«Хоть въ Астрахянь! Ступай по Волгѣ внизъ,

«Да къ бурлака́мъ; тамъ людъ удалый, сбродный,
«Другой такой губерніи народной (*)
«И не найдешь.... Татаринъ и Киргизъ,
«Калмыкъ, Бухаръ, Трухменцы, да Армяне,
«Все дурачье, ты знай себѣ заранѣ,
«Оно ловчѣй!...»

Матвѣй.

— Ты для чего не тамъ?

Старикъ.

Эхъ, Астрахань ужъ мнѣ не по лѣта̀мъ!
А у себя на родинѣ, признаться,
Мнѣ мудрено, не гоже укрываться.
Помѣщикъ мой, Максимъ Кузьмичъ, меня
Вездѣ ловилъ; мои примѣты знаютъ....

Матвѣй.

А ви́докъ ты, тебя какъ разъ поймаютъ!

Старикъ.

Вотъ въ томъ и горе!... Ну, подумалъ я,
Максимъ Кузьмичъ! прощай, сердешный, полно!
Ужъ лучше быть подальше отъ грѣха,
Другъ отъ друга приходится намъ солно,
Такъ Богъ съ тобой!... Ушелъ изъ-подъ тиха́....
А онъ куды! и этимъ не доволенъ,
Мои вездѣ примѣты разослалъ!
Да ничего! теперь мой слѣдъ пропалъ,
Съ Саратовскихъ не виденъ колоколенъ!

(*) Я самъ слышалъ это выраженіе про Астрах. губернію—отъ одного Саратовскаго мужика. *И. А.*

Алексѣй.

Куда же ты?

Старикъ.

Къ Дунайскимъ берегамъ,
Черезъ Москву: мнѣ дѣло есть и тамъ;
А близъ границъ деревня есть, Вилкóво,
Гдѣ много я товарищей найду....
Да что таить, и толку я инова!...

Алексѣй

А далеко?

Старикъ.

Богъ милостивъ, дойду!

Алексѣй.

Вѣдь, и меня помѣщикъ вѣрно ищетъ,
И онъ Кузмичъ, да звать его Семенъ.
Я чай, бурмистръ такъ пó слѣду и рыщетъ....

Старикъ.

А близко здѣсь?

Алексѣй.

Верстъ сто....

Старикъ.

Дуракъ же онъ!
Какъ не найти!...

Алексѣй.

Матюша другъ! какъ хочешь!
Я въ Астрахань.

Матвѣй.

Нѣтъ, вмѣстѣ ужъ пойдемъ!

Старикъ.

Вотъ такъ-то, такъ!....

Матвѣй.

Да ты чего хохочешь?

Старикъ.

Да любо мнѣ! Одинъ, или вдвоемъ,
Сбирайся ты, Алешка, въ путь-дорогу!
Гуляй, душа! Валяй себѣ впередъ!
Здѣсь твой Семенъ Кузмичъ тебя найдетъ,
А тамъ ищи!... Ну, весело, ей Богу!
А, Алексѣй?... Вѣдь Алексѣй зовутъ?...
Кузмичъ Семенъ тебя повсюду ищетъ,
Глядь: онъ себѣ за Астраханью рыщетъ!
Мой сбился съ ногъ, меня искамши тутъ,
Сюда, туда.... «Знать, обмѣнился краемъ?..»
А я ему гуляю подъ Дунаемъ!
Эхъ, попросить, чтобъ дали на харчи,
И мой и твой, обои Кузмичи!
Богъ дастъ, приду въ далекое Вилкȯво,
Ей, закричу: Максимъ Кузмичъ, здорово!
Голубчикъ мой! гляди-тко ты, Кузьмичъ,
Какъ разопью я съ ними магарычъ!
Эхъ, молодца́!

Матвѣй.

Вишь, расходился, старый!
А какъ идти?

Старикъ.

Отселѣ вы ступай

Окольною дорогой до Самары;
Тамъ будетъ вамъ Павлушка Растегай...
Тамъ сыщете, и бурлаки вамъ скажутъ.
Вамъ въ кабакахъ состряпаютъ билетъ;
Ну, нà зиму идти туда не слѣдъ,
А раннею весной вамъ путь укажутъ.
Деревня есть, Червонная зовутъ:
Найдете вы косаго Ѳедьку тутъ,
Ужъ выучитъ и призритъ и направитъ,
И въ Астрахань обоихъ васъ доставитъ.
А тамъ гуляй, какъ водяная мышь,
То въ море ты, то нà берегъ въ камышъ!...
Ну, половилъ, поножился немного...
Не по душѣ, не взлюбишь сторону:
Валяй себѣ, гуляй до Таганрога!
Ступай въ Ростовъ, въ Ростовъ, что па Дону!
Тамъ цѣлыя живутъ себѣ ватаги,
Лихой народъ, какъ мы съ тобой, бродяги!
Тамъ погулялъ и пожилъ года съ два
Племянникъ мой Непомнящій — Родства!...

Алексѣй.

Эхъ, чорта съ два! Ужъ не въ терпежъ мнѣ болѣ,
Тоска томитъ; смерть хочется и мнѣ
Такъ побродить въ далекой сторонѣ,
Да погулять, да покружить на волѣ!...

Матвѣй.

Не прочь и я!

Алексѣй.

Ну, по рукамъ впередъ!
Такъ завтра мы съ хозяиномъ разсчетъ?

Матвѣй.

Да, будто намъ на праздникъ деньги нужны!...
Однако, братъ, не долго до утрà,
А спать-то намъ давно уже пора;
Болтайте же, коль очень вы досужны!

Алексѣй.

Нѣтъ, ляжемъ спать. А гдѣ совѣтчикъ нашъ?
Усталъ, лежитъ... Ну, полѣзай въ шалашъ;
Кажись, тебя тамъ нéкому увидѣть.

Старикъ.

Спасибо, братъ... Да знай же въ добрый часъ:
Ну, еслибъ кто, изъ нашей братьи, васъ
Вдругъ встрѣтилъ тамъ и вздумалъ бы обидѣть,
Скажи ему — и будешь цѣлъ и сытъ:
Демьянъ Терентьевъ кланяться велитъ!...
  Легли. Уснули. Къ утру посвѣжѣй
Дохнула ночь; угасли звѣзды вскорѣ...
И грезились Алешкѣ сúне-море,
Просторъ степей, приволье камышей!...

ЖИЗНЬ ЧИНОВНИКА.

(МИСТЕРІЯ ВЪ 3-хъ ПЕРІОДАХЪ.)

Жизнь чиновника. (*)

Мистерія въ трехъ періодахъ. — Дѣйствующіе: Чиновникъ будущій въ 1-мъ періодѣ, настоящій во 2-мъ и старикъ въ 3-мъ. Демонъ службы, Таинственный голосъ, Хоръ добрыхъ геніевъ, Курьеръ, Канцелярія присутственнаго мѣста.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Комната, скромно убранная; въ ней тихо и уединенно; будущій чиновникъ сидитъ за столомъ, на которомъ лежатъ книги, журналы и бумаги да еще не разрѣзанные томы Свода Законовъ.

Будущій чиновникъ.

Служить? иль не служить? да, вотъ вопросъ!
Какъ сильно онъ мою тревожитъ душу!
Не я-ль мечталъ для общей пользы жить?
Ужель теперь я свой обѣтъ нарушу?
Но службою достигну-ль цѣли я?
Но благородныя движенья,
Тревожная дѣятельность моя
Найдутъ-ли въ ней себѣ вознагражденье?
Отраду-ли пошлетъ въ моей глуши
То поприще, что предо мной открылось?
Спокоитъ-ли стремленіе души?
Въ груди моей всегда такъ много билось!

(*) Эта лирическая шутка написана авторомъ, когда ему было 19 лѣтъ; представляя образчикъ самыхъ раннихъ его стихотвореній, она свидѣтельствуетъ еще, какъ рано авторъ — едва сойдя со школьной скамьи и наканунѣ собственнаго поступленія на службу — уже смущался чиновною карьерою, чувствовалъ иное призваніе и предназначалъ себѣ иной путь. Печатается съ рукописи, которая не готовилась для печати; годъ сочиненія на ней обозначенъ 1843-й. А. Ө. А.

Демонъ службы.

Будешь жить спокойно, кругло и счастливо;
Лучше лавра гордаго мирная олива!
Пылкія и смѣлыя рушатся мечты,
Такъ съ судьбой заранѣе примирися ты.
Самъ достопочтенный, ревностный чиновникъ,
Подчиненныхъ счастья будешь ты виновникъ.
И начальство высшее, дорожа тобой,
Грудь украситъ лентою, осѣнитъ звѣздой!
Не ища Фортуны милости случайной,
Будешь ты Дѣйствительный, будешь ты и Тайный!

Не толкуя о вещахъ превратно
И любя приличіе и миръ,
Приходи на службу акуратно,
Надѣвай зеленый виц-мундиръ.
Лишь войдешь въ Присутствіе, — учтиво
Всѣхъ привѣтствуй, прочь отбросивъ спѣсь;
А взойдетъ начальникъ, — торопливо
Ты почтительный поклонъ отвѣсь....
На столѣ реэстры и таблицы
Взоръ привычный манятъ на себя;
Буквъ чернильныхъ бѣлыя страницы
Просятъ жадно-жадно у тебя!
Благородной службою довольный,
На бумагахъ нумера отмѣть,
Свой реэстръ перебери настольный:
Надо всюду зоркій глазъ имѣть!
Вечеромъ съ супругою достойной,
Чуждый всѣхъ безсмысленныхъ тревогъ,
Будешь чай вкушать съ душой спокойной, —
А малютки рѣзвятся у ногъ!...
Годъ за годомъ такъ промчится мимо,
Чинъ за чиномъ станетъ приходить,
И начальствомъ и судьбой хранимый,
Будешь долго въ лонѣ мира жить!
И когда наступитъ срокъ урочный,
Въ сердцѣ той-же ревностью горя,

Обрѣтешь знакъ службы безпорочной,
Пенсіонъ по милости царя.
Да! повѣрь! Сатурномъ убѣленный,
Жизнь свою на службу посвятивъ,
Гражданинъ полезный и почтенный,
Будешь ты уваженъ и счастливъ.

Будущій чиновникъ *(въ раздумьи и какъ бы вспоминая.)*

Не буйная радость,
Веселье и шумъ
Тревожили младость,
Плѣняли мой умъ:
Силъ юныхъ отвага,
Думъ гордыхъ полетъ,
Цѣль — общее благо —
Высокихъ заботъ!...
И грудь воздымалась,
Ждалъ пламенно я,
Чтобы оправдалась
Надежда моя!
Мнѣ грустно: ужели
Изъ сердца изгнать,
О чемъ съ колыбели
Привыкъ я мечтать?

Таинственный голосъ.

Прекраснаго въ тебѣ таится много:
Ты Божьей искрой свыше надѣленъ,
И жизни пошлой битая дорога
Не твой удѣлъ: къ иному ты сужденъ!
Да, съ раннихъ лѣтъ жила въ тебѣ тревога,
Стремленіе твой волновало сонъ,
Иную цѣль, цѣль высшихъ наслажденій
Тебѣ давно предназначалъ твой геній!

Остановись! и для мертвящей жизни
Не отдавай младой души своей:
Чтобъ не внушило поздней укоризны

Сознаніе ничтожности твоей!
На поприщѣ служебномъ для отчизны
Не будешь ты полезнѣй и славнѣй.
Еще въ тебѣ такъ силы свѣжи, новы:
Ужель на нихъ надѣнешь ты оковы?
О вѣрь же мнѣ! грядущее богато
Вознаградитъ тревожные года!
Ничтожныхъ выгодъ мелкая утрата
Раскаянья не вызоветъ слѣда!
Смѣлѣй же въ путь, съ надеждою крылатой
На поприще и славы и труда!
И ты придешь, стремяся безвозвратно,
И къ лучшимъ днямъ, и къ цѣли благодатной!

Будущій чиновникъ.

Голосъ плѣнительный, голосъ лукавый,
Много сулишь ты мнѣ чести и славы!
Было-бъ отрадно мнѣ вѣрить тебѣ,
Что предназначенъ иной я судьбѣ!
Кто же мнѣ вѣрною будетъ порукой,
Что не окончу безславьемъ и мукой?
Чѣмъ за мечтою гоняться пустой,
Въ жизни не лучше-ль безстрастный покой?

Демонъ службы.

Оставь тревожныя мечты,
Услышь совѣтъ благоразумный,
Признайся самъ мнѣ: въ правѣ-ль ты
Судьбы искать блестящей, шумной?
  Полнб самолюбивыхъ думъ,
Волнуется младое племя,
Кипитъ свободный, гордый умъ,
И мыслитъ: будетъ наше время:
Узнаемъ мы народный плескъ,
И громъ похвалъ и славы блескъ!
  Но время твердою стопой
Наружу истину выводитъ,
И свѣтъ ея мечтаній рой

Отгонитъ прочь. Туманъ проходитъ,
И съ настоящимъ примирясь,
Ватага прежняя безумцевъ
Нисходитъ въ жизненную грязь,
Въ ханжей, въ рабовъ изъ вольнодумцевъ!
Поглотитъ ихъ толпа людей
Обычной пошлостью своей!
Къ Превосходительнымъ чинамъ
Стремятся Бруты, Александры!...
Внемли же ты моимъ словамъ;
Услышь пророчество Кассандры!
Немного я въ тебѣ нашелъ:
Ты не изъ яркихъ исключеній,
Ни слишкомъ добръ, ни слишкомъ золъ,
Не то, чтобъ глупъ, не то, чтобъ геній!...
Такъ избери солидный бытъ,
Гдѣ былъ бы счастливъ ты и сытъ!

Будущій чиновникъ *(хватая себя за голову)*.

Горе мнѣ! какіе звуки!
Въ душу голосъ твой проникъ,
И ужъ вижу я въ туманѣ,
Свой Чиновническій ликъ!

(Придвигается къ столу и пишетъ просьбу о принятіи его на службу).

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

(Пятнадцать лѣтъ спустя послѣ перваго).

Канцелярія Присутственнаго мѣста. Обширная грязная комната, уставленная столами и шкафами и наполненная чиновниками. Одни сидятъ и занимаются, другіе хлопочатъ, суетятся, безпрестанно входятъ и выходятъ. Шумъ. Всѣ говорятъ вслухъ и въ одно время. Среди этого гула слышится:

Хоръ *(на голосъ духовъ изъ* **Роберта Діавола**).

Намъ любо и мило
Средь грязныхъ палатъ,

Велѣлъ мнѣ сочинить,
Чтобъ это преступленіе
Законно извинить!
Да все, братъ, недосужливо....

Другой.

Mon cher, что много врать?
Законъ у насъ услужливый,
Такъ долго-ль написать!

Еще Секретарь *(Столоначальнику подавая черновую резолюцію.)*

Смотрите: Дёмина они велѣли высѣчь!
Вотъ вздоръ подчасъ изволятъ городить!
И слушать не хотятъ! да этакъ сотни тысячъ
И скоро насъ самихъ придется имъ судить.
То строги черезъ-чуръ, то черезъ-чуръ ужъ слабы,
Какой на нихъ найдетъ, извольте видѣть, часъ!
Эхъ, будь-ка я Министръ, Лука Ильичъ, такъ я-бы....

(махая рукой и со вздохомъ)

Пиши, братъ, приговоръ! да заготовь указъ!

Столоначальникъ старикъ.

Ребята! за дѣло,
Пишите дружнѣй!
Что только воспѣло,
Давайте скорѣй.
Готовы-ли перья?

Писцы.

Готовы.

Столоначальникъ старикъ.

Вонми:

(диктуя)

Крестьянка Лукерья
Сѣчется плетьми!

4-й Столоначальникъ *(читая просьбу)*.

Ахъ, бестія Будылгинъ, —снова съ просьбой!
Побилп дурака, и подѣломъ. А онъ
Безчестія просить изволитъ; видишь,
Обиженъ, говоритъ, честь страждетъ, впрочемъ что-жъ?
Кажись не все по формѣ. Дай-ка справлюсь,
(роется въ X томѣ)
И впрямь, вотъ тутъ четырнадцатый пунктъ
Не соблюденъ, —такъ съ надписью, пріятель,
Назадъ её получишь! Но сперва
Ты подождешь за это въ наказанье.

Главный начальникъ
(входитъ въ комнату; всѣ опрометью вскакиваютъ съ мѣстъ; онъ подзываетъ къ себѣ одного изъ Секретарей.)

У васъ какія неисправности —
Съ прискорбіемъ замѣчу вамъ:
Писцы безъ всякой благонравности,
Безъ уваженія къ чинамъ!
Признайтесь мнѣ, - не отмѣчаете
Настольный вовсе вы регистръ?
Вы такъ по службѣ потеряете:
Что ежели-бъ узналъ Министръ?
По высшимъ строгимъ повелѣніямъ
Небрежный шлете вы указъ!
Да, —повторяю съ сожалѣніемъ, —
Не ждалъ я этого отъ васъ!

Секретарь.

Заваленъ, право, я работою:
Дѣла въ три тысячи листовъ!
Повѣрьте мнѣ: со всей охотою, —
А не могу быть въ срокъ готовъ.

Главный начальникъ *(пожимая плечами.)*

Мнѣ дѣла нѣтъ, —начальство требуетъ,
Чтобъ только полонъ былъ итогъ!

Я предварилъ васъ, такъ какъ слѣдуетъ.
Я сдѣлалъ все, что̀ только могъ!...

ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦІИ.

Комната настоящаго чиновника, установленная кипами бумагъ и томами Свода Законовъ. Онъ сидитъ за письменнымъ столомъ.

Таинственный голосъ.

Твоего касаюсь слуха
Вновь теперь, какъ прежде, я.
Это-ль дѣятельность духа,
Это-ль цѣль была твоя?
Гдѣ-жъ движенье, гдѣ-же благо,
Сердца искренній призывъ,
Благородныхъ думъ отвага,
Прежнихъ лѣтъ твоихъ порывъ?
Ты не тотъ, какимъ былъ прежде,
Съ строго-честною душой
Довѣрявшійся надеждѣ,
Обольщавшійся мечтой!
Нѣтъ души той въ прежнемъ тѣлѣ,
Пламень свѣтлый въ ней погасъ:
Ты растратилъ въ мертвомъ дѣлѣ
Свѣжихъ силъ своихъ запасъ!
Ты отвергнулъ путь спасенья,
Былъ ты глухъ на голосъ мой:
Прозябай же безъ стремленья
И коснѣй своей душой!

Чиновникъ

(не слышитъ таинственнаго голоса, кладетъ перо, зѣваетъ на креслахъ, придвигается къ окошку и задумывается).

Пятнадцать лѣтъ служу я; каждый день
Хожу въ Присутствіе; и съ совѣстью спокойной
Могу сказать, что долгъ служебный свой
Я исполнялъ усердно и достойно!

И счастливъ я: моя прекрасная жена
Толпой рѣзвяшихся дѣтей окружена!
Лишь орденъ-бы еще мнѣ дали для почёта,
Да денегъ отъ казны да генеральскій чинъ —
Тогда-бъ, Иванъ Ильичъ! служилъ ты безъ расчета,
Чиновникъ ревностный и добрый семьянинъ!
А праздникъ нынѣ! всѣ толпятся на гулянье:
Туда и модники, туда бородачи!
Вотъ сколько молодыхъ въ курьезномъ одѣяньи,
Спѣсивый все народъ и вѣрно богачи!
Я ихъ не жалую: они народъ ученый,
И смотрятъ все на насъ, какъ будто право мы
Здѣсь безполезный классъ, на плутни лишь смышленый.
Что-жъ ихъ работаютъ великіе умы?
Болтаютъ цѣлый день, да ни объ чемъ не тужатъ,
А между тѣмъ, туда-жъ, о пользѣ говорятъ.
Служить не такъ легко: за то они не служатъ,
А нашу братію безжалостно бранятъ!—

Демонъ службы.

Они кружатся въ вихрѣ свѣта
Толпою жалкою невѣждъ,
И полны ихъ младыя лѣта
Пустыхъ рѣчей, пустыхъ надеждъ!
Любовь къ отчизнѣ производитъ
И въ ихъ сердцахъ какой-то жаръ.
Но ихъ безъ пользы жизнь проходитъ,
Но ихъ любви безплоденъ даръ!
Они отчизнѣ стали чужды,
Не постигая межъ собой
Ея дѣйствительныя нужды!
Привычно имъ—страны родной,—
Среди поверхностныхъ сужденій
О томъ, что стыдно имъ не знать,—
Ткань многосложныхъ учрежденій
Безумной рѣчью порицать!
И расточая даромъ время,
Все осмѣянью обреча̀

Трудовъ правительственныхъ бремя
Не возлагаютъ на плечà!

Но если грозный часъ настанетъ,
Раздвинетъ мракъ, разсѣетъ сонъ,
И надъ безумцами прогрянетъ
Словами вѣщими законъ:
Передъ тобой тогда во прахѣ,
Понявъ ничтожество свое,
Сознаютъ въ трепетѣ и страхѣ,
Законъ, могущество твое!
Да, въ нихъ сердца надменны, души гнилы....
Чиновникъ выше ихъ, блуждающихъ во мглѣ,
Орудіе правительственной силы
И правосудія служитель на землѣ!
Гражданское ты вѣдаешь устройство,
И тщательно тобой изучены
Законодательства всѣ стороны и свойства,
Ихъ приложеніе къ обычаямъ страны!
Жрецъ истины, въ томъ словѣ проявленной,
Покоренъ духъ въ тебѣ, но веселится онъ,
Когда гремитъ, на благо устремленный,
Съ неотразимой силою законъ!

Чиновникъ.

Да, это такъ; служа по части судной,
Могу сказать аминь, но что-то я
Работой утомился многотрудной,
И отдыхъ вѣрно подкрѣпитъ меня

(протягивается въ креслахъ)

Эхъ, хорошо-бъ теперь на мигъ забыться
Отъ дѣловыхъ бумагъ, въ пріятномъ легкомъ снѣ..
Теперь, Иванъ Ильичъ, ты можешь полѣниться,
Не къ спѣху, кажется, онѣ!

(Мало-по-малу засыпаетъ).

Таинственный голосъ.

Нѣтъ! не помыслъ благородный
Движетъ весь чиновный людъ,
Вызываетъ умъ холодный
На полезный мнимо трудъ!
Мысль о славѣ, о безславьѣ,
Не волнуетъ вашу кровь,
Въ васъ живетъ одно тщеславье,
Мелкихъ почестей любовь!

Хоръ добрыхъ геніевъ

(витающихъ около спящаго чиновника).

О тебѣ мы пожалѣемъ,
Ты работой утомленъ,
Поласкаемъ, полелѣемъ,
И пошлемъ пріятный сонъ!

1-й.

Что тебѣ пророчить смѣю,
Примешь къ сердцу горячо:
Анны крестъ тебѣ на шею,
Станиславъ черезъ плечо!

2-й.

И другаго жди патента,
Только службѣ вѣренъ будь:
Ляжетъ Аннинская лента
Широко тебѣ на грудь.

3-й.

Будь Ѳемиды обороной
И получишь знакъ иной:
Съ бриллiантовой короной,
Съ осьмигранною звѣздой.

(Чиновникъ сквозь сонъ улыбается и простираетъ руки).

Всѣ вмѣстѣ.

Простираетъ онъ объятья,
Лентъ и звѣздъ желаетъ онъ!
Мы ему послали, братья,
Улыбающійся сонъ!

(Входитъ курьеръ).

Курьеръ.

Его Сіятельство прислалъ меня съ пакетомъ.

Иванъ Ильичъ *(вскакивая).*

Его Сіятельство? съ пакетомъ? дай сюда...

(беретъ пакетъ въ руки и какъ бы взвѣшивая его)

Что можетъ заключаться въ этомъ?
Награда-ль моего недавняго труда, —
Иль приказанье? иль выговоръ, быть можетъ?
Послѣднее меня чувствительно тревожитъ!
Что, если выговоръ?.. Вотъ будетъ мнѣ тоска!
За что-бы кажется? дрожитъ моя рука!

(Распечатываетъ, изъ пакета выпадаетъ крестъ Анны 2-й степени, Иванъ Ильичъ поспѣшно подхватываетъ его.)

Что это! Боже мой! глазамъ своимъ не вѣрю!
На шею? Анны крестъ! Давай-же я примѣрю!
Вотъ радостный сюрпризъ! какъ благодаренъ я
Его Сіятельству и вся моя семья!

(передъ зеркаломъ)

Надѣть его.... вотъ такъ.... чтобъ былъ онъ виденъ цѣлый
На черномъ галстухѣ и на манишкѣ бѣлой!...

Курьеръ.

Съ монаршей милостью....

Иванъ Ильичъ.

Спасибо братъ, курьеръ!
Вотъ красная тебѣ: пей за мое здоровье.

(отдаетъ курьеру ассигнацію, тотъ кланяется и уходитъ).

Ну! зависть Трухмина теперь не знаетъ мѣръ:
Онъ все безъ ордена: терпѣніе воловье!
Однако написать къ Суханову скорѣй,
Чтобы прислалъ аршинъ онъ орденской мнѣ ленты.
А полученные сегодня мной патенты
Пойду и принесу туда, къ женѣ моей!...
Нѣтъ, что-жъ это, дуракъ, я даромъ время трачу?
Къ Его Сіятельству скорѣй, скорѣй на дачу
Благодарить его.... Я будто бы во снѣ
Все вижу.... Прошка, эй! поди сюда ко мнѣ!
Ты эту отнесешь къ Суханову бумагу
И приготовишь мнѣ мундиръ, жилетъ и шпагу!

(Уходитъ.)

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ

(тридцать лѣтъ спустя послѣ втораго).

Чиновникъ старикъ, дряхлый и больной, лежитъ въ креслахъ; подлѣ кресел столикъ, уставленный лѣкарствами; на диванѣ кинутъ мундиръ съ нѣсколькими звѣздами.

Чиновникъ.

Мой путь свершенъ. И на краю могилы
Я вспоминаю все, о чемъ давно забылъ!
Куда бывалыя свои растратилъ силы,
Съ какою цѣлію и для чего я жилъ?
Когда назадъ я мыслью обращаюсь,
Прошедшее окину взоромъ я,
Скорблю тогда и духомъ я смущаюсь:
Какая жизнь ничтожная моя!

Безцвѣтной я и ровною тропою
Шелъ за другими вслѣдъ и также, какъ они,
Съ лѣтами дождался, чего по службѣ стòю:
Пустыя, мертвыя лишь почести однѣ!

Да! Счастье пошлое судьба мнѣ даровала,
Занятья дѣльныя мой изсушили умъ,
И грудь чиновника ничто не волновало:
Лишь служба — вотъ предметъ моихъ привычныхъ думъ.
А памятны мнѣ прежніе тѣ годы,
Когда былъ молодъ я и на своемъ пути
Такъ смѣло выжидалъ житейскія невзгоды....
Но жизнь прожить — не поле перейти!
Душа тогда прекрасное любила,
Порывы доблести мнѣ волновали грудь!
Но жизнь бумажная въ ней свѣжесть погубила,
И охватилъ меня избранный мною путь.
И грустно думать мнѣ, что тщетно я трудился,
Что даромъ отдалъ жизнь на жертву службѣ я,
Что труженникомъ здѣсь ничтожнымъ я явился,
Что не своей я шелъ дорогой бытія!
Что отъ моей усердной долгой жизни,
Отъ моего служебнаго труда,
Ни пользы никому, ни блага для отчизны,
Ни свѣтлой памяти, ни яснаго слѣда!
О, тяжело! во мнѣ проснулись снова
Всѣ прежнія движенія души!
Я будто слышу вновь таинственное слово,
Давно будившее меня въ ночной тиши!

Таинственный голосъ.

Да! вновь къ тебѣ я слово обращаю,
И въ грудь твою проникнетъ рѣчь моя,
Поймешь теперь, что я тебѣ вѣщаю
И что тебѣ вѣщалъ, бывало, я!

Еще не весь ты очерствѣлъ въ покоѣ
Убійственно-однообразныхъ лѣтъ!

Въ тебѣ опять проснулося живое,
И я опять найду себѣ отвѣтъ!

Называютъ люди счастьемъ
Жизнь подобную твоей,
Не смущенную ненастьемъ,
Не знававшую страстей!

Но плечу имъ счастье это,
Любятъ души ихъ покой,
И сердца не жаждутъ свѣта
Истинъ мудрости живой!

Но губительно вліянье
Той счастливой слѣпоты;
Но опасно обаянье
Безмятежной пустоты!

Въ комъ она — тотъ голосъ шумный
Заглушитъ въ груди своей,
Умертвитъ, благоразумный,
Все трепещущее въ ней!

Отдалъ ты за горькій опытъ
Жизни лучшія лѣта,
И теперь невольный ропотъ
Издаютъ твои уста!

Ты къ иному былъ назначенъ;
Жребій тотъ тобой утраченъ!
И постигнуть не умѣлъ
Ты свой истинный удѣлъ!

Помню я: живое чувство,
И науки и искусства
Безкорыстная любовь
Волновали сильно кровь!

Еслибъ перваго призванья
Ты послушался вліянья,

Можетъ быть, твои труды
Дали-бъ вѣчные плоды.

Не терзался бы сознаньемъ,
Что ничтожнымъ ты созданьемъ,
Чадомъ пошлой суеты
На землѣ явился ты!

И, быть можетъ, вмѣсто муки,
Службы тягостной науки,
Здѣсь на поприщѣ другомъ
Славнымъ шелъ бы ты путемъ!

Много сладостныхъ мгновеній,
Много чистыхъ наслажденій,
Съ чувствомъ легкимъ бытія
Испытала-бъ жизнь твоя!

Поздно все, передъ собою
Видишь даромъ прожитою
Жизнь свою! Отрады нѣтъ,
Не воротишь прежнихъ лѣтъ!

(Чиновникъ въ ужасѣ содрогается).

Демонъ службы.

Въ обширномъ поприщѣ служебнаго труда
Есть много отраслей и дѣятелей много...
Но къ достиженію великаго плода
Ведетъ различная дорога.
Одни (и много ихъ)—правительственныхъ думъ
Орудья вѣрныя, смиренныя пружины:
Полезенъ ихъ всегда покорный умъ
Для государственной, въ движеніи, машины!...
Такъ, если Божій храмъ художникъ создаетъ,
Потребенъ каменьщикъ съ испытаннымъ терпѣньемъ:
Онъ жизнь творенію художника даетъ
Работы мертвой исполненьемъ!...
И счастье мирное ихъ наполняетъ грудь,
Внѣ гордыхъ помысловъ, волненія и страсти,

Но не для нихъ иной, богатый славой путь,
Не имъ удѣлъ правленія и власти!
Тотъ удѣлъ—удѣлъ немногихъ,
Свыше избранныхъ людей!
Духомъ твердыхъ, духомъ строгихъ,
Цѣли преданныхъ своей.
Благородной страсти жаромъ
Сердце въ нихъ воспалено,
И чело высокимъ даромъ
Отъ небесъ озарено!
Много въ нихъ судьба вмѣстила,
Вознесла ихъ высоко;
Имъ привычны власть и сила,
Двигать массой имъ легко.

Доступны имъ труды большаго
Объёма числъ.
Законодательнаго слова
Глубокій смыслъ!
Ихъ подвигъ тяжкій, но полезный,
Всегда даетъ,
Добытый волею желѣзной,
Великій плодъ.
Имъ чужды легкія забавы,
Ихъ труденъ путь;
Для блага общаго и славы
Ихъ бьется грудь.
За то, лишившись личныхъ въ жизни
Утѣхъ, они
Всѣ на алтарь своей отчизны
Приносятъ дни!...
Но если не горитъ въ груди тотъ дивный даръ,
Но если въ сердцѣ нѣтъ призванья,
И пылъ стремленія—лишь юной крови жаръ,
Хладѣющій отъ испытанья...

То пусть служебнаго тотъ поприща бѣжитъ
Далеко отъ его однообразной муки,

Пусть наслажденіемъ высокимъ дорожитъ
На поприщѣ другомъ — искусства иль науки!

Чиновникъ.

Да! ясно мнѣ теперь утраченное мною,
Невозвратимое ничѣмъ ужъ на землѣ!
Я, съ чувствомъ пламеннымъ, съ тревожною душою
Призванью чуждому пожертвовалъ собою,
Самъ проволачилъ всю жизнь въ какой-то жалкой мглѣ
Теперь ужасное свершилось пробужденье,
И правды поздній блескъ мнѣ очи просвѣтилъ:
Благоразумія слѣпаго заблужденье
Я дорогой цѣною искупилъ....
Я даромъ жилъ! я даромъ жилъ!

(умираетъ).

ЭПИЛОГЪ.

Великолѣпныя похороны. Народъ останавливается и смотритъ.

Одинъ.

Э! какъ знатно! должно быть важный!

Другой.

На подушкахъ несутъ звѣзды... вѣрно чиновный...

Третій.

А вѣдь, говорятъ, былъ такъ, простой дворянчикъ, дослужился.
Ну, да не всякому такое счастье!

(проходятъ).

ЕЩЕ ДВОЕ.

Первый.

Кто покойникъ, какъ слышно?

Второй.

Не знаю; по приходу хвалятъ.

Первый.

Ну, Царство ему небесное!

(Уходятъ).

ДВА ЧИНОВНИКА.

Молодой чиновникъ.

Покойный Его Превосходительство намъ всѣмъ примѣръ. Служилъ. работалъ, трудился и чтожъ? до всего дошелъ, всего достигъ, счастіе узналъ полное.

Пожилой чиновникъ.

Намъ всѣмъ примѣръ! тебѣ, братъ, хорошо такъ говорить. Ты молодъ, впереди еще хоть лѣтъ сорокъ службы, всего можешь надѣяться, а я, что я?...

Молодой чиновникъ.

Благородный человѣкъ покойникъ. Сколько лѣтъ, съ какимъ усердіемъ послужилъ Отечеству! и какъ добръ и вѣжливъ былъ: придутъ бывало просители, оборванные, грязные, нищіе... чтожъ, выйдетъ бывало, говоритъ, бывало, со всякимъ: радъ былъ бы, говоритъ, душевно радъ сдѣлать доброе дѣло, да нельзя, не могу, долгъ службы не позволяетъ, законъ препятствуетъ. Да, всякаго, бывало, обласкаетъ!...

Пожилой чиновникъ.

Добрый былъ генералъ. Впрочемъ, унывать не надо. За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ.

(Проходятъ)

Женщина.

А скажите, батюшка, кто былъ покойный?

Баринъ.

Чортъ его знаетъ; такъ себѣ, какой-нибудь!...

Купецъ.

Нѣтъ-съ. Почетъ великъ. Понимать должно, что важный чиновникъ.

Голосъ изъ толпы.

Чиновникъ, точно. А что, если правду сказать, вѣдь, вѣрно былъ такой же мошенникъ!... Впрочемъ, бываютъ всякіе...

Москва 1843 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ началъ писать стихи очень рано—не только въ Училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ пріобрѣлъ этимъ извѣстность между товарищами, а еще отрокомъ въ домѣ отца, гдѣ получилъ первоначальное образованіе въ духѣ тогдашнихъ литературныхъ преданій. Въ печати его стихи стали извѣстны съ 1845 года. Промежутокъ времени въ десять лѣтъ, именно съ 1845-го года по 1855-ый, былъ самымъ плодотворнымъ въ его стихотворной дѣятельности. *Гнѣвная* Муза не давала ему покоя за тотъ мрачный періодъ, о которомъ самъ онъ говорилъ: „*Сплошнаго зла стоитъ твердыня, царитъ безсмысленная ложь*". Послѣ 18-го Февраля 1855-го года, когда съ новымъ царствованіемъ повѣяло и всеобщимъ обновленіемъ, его гнѣвная Муза утихла. „Но съ Музой гнѣвною моею теперь надолго я умолкъ"—писалъ онъ о себѣ въ 1857 году въ извѣстномъ стихотвореніи „*Отвѣтъ*"; скоро онъ отдался иной дѣятельности: поэтъ уступилъ въ немъ публицисту. Къ этому времени относятся лишь немногія его стихотворенія: *На новый, 1858-й, годъ*—восторженный привѣтъ начавшимся работамъ по эманципаціи или, какъ тогда говорилось на оффиціальномъ языкѣ, по „улучшенію быта крестьянъ"; кромѣ того: „*Пророкъ*" и „*Къ тишинѣ, къ примиренью, къ покою*",—написанные уже въ 1860-мъ году. Послѣ того, лишь по прошествіи 17-ти лѣтъ, вновь осѣнило его поэтическое вдохновеніе уже на закатѣ дней, во время извѣстнаго заточенія въ с. Варваринѣ.

Отдѣльныя примѣчанія къ каждому изъ стихотвореній слѣдуютъ въ порядкѣ ихъ размѣщенія въ этомъ сборникѣ.

1. **Пророкъ**. Помѣтка: „Мюнхенъ, 1860 г." Напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1860 года № 1. *На встрѣчу вѣщаго пророка*, *Ожиданіе* и *Пророкъ*—всѣ три заглавія относятся къ одному и тому-же, именно къ этому, стихотворенію. Въ рукописи автора собственноручно: „*Пророкъ*"...
2. **На Дунай**.—Напечатано не было, написано въ 1854-мъ году. Въ поясненіе къ стиху: „*Межъ рабочихъ темныхъ и безвѣстныхъ, ты вездѣ рабочимъ добрымъ будь*" не надо забывать, что въ войну съ Турціей 1854 года авторъ поступилъ въ ополченіе.
3. **Смотри! толпа людей**. Помѣтка въ рукописи: „1846 годъ". Оно-же озаглавлено: „Къ портрету"; въ другихъ рукописяхъ: „*Портретъ*". Напечатано въ Московскомъ Сборникѣ 1847 г.
4. **На новый 1858-й годъ**. Помѣтка: „31 Декабря 1857 года", напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1858 г. № 1.
5. **Отвѣтъ**. Напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1857 г. № 1. Озаглавлено просто: *Отвѣтъ*; въ рукописи отмѣтка: „Полонскому".
6. **Опять тоска!**... Помѣтка: „1853 г." Напечатано въ Русской Бесѣдѣ

1859 г., № 5. Такъ какъ редакція стихотворенія въ Русской Бесѣдѣ принадлежитъ самому автору, то варіанты, встрѣчающіеся въ рукописи, не приводятся.

7. **Добро-бъ мечты!..**—Помѣтка: „1853 г.“ Напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., № 1. Къ стиху: „Слова, слова, одни слова“—въ выноскѣ примѣчаніе: *Шекспиръ*.

8. **Моимъ друзьямъ.**—Помѣтка: „*Ярославль 1852 г.*“ Напечатано два раза; первый—въ Русской Бесѣдѣ 1859 г., № 5, второй—въ газетѣ Русь 1884 г., № 31. Оба раза съ добавленіемъ въ скобкахъ при заглавіи: „Честнымъ людямъ, состоящимъ въ государственной службѣ“. Въ Руси оно помѣщено при слѣдующемъ примѣчаніи автора: „Помѣщаемъ старое стихотвореніе, писанное 32 года тому назадъ, какъ дополнительную справку изъ собственнаго архива къ передовой статьѣ о старыхъ судахъ въ 4-мъ № Руси. Вотъ какими скромными желаніями приходилось ограничиваться!.. Авторъ когда писалъ это посланіе, самъ уже оставилъ службу *Ред.*“

Такъ какъ стихотвореніе напечатано по редакціи Русской Бесѣды, между тѣмъ редакція Руси позднѣйшая,—то и прилагаются всѣ варіанты.

Р. Б.: „*Въ средѣ бездушной*“. Русь: „*Въ средѣ обширной.*“
Р. Б.: „Досуга праздно не губя“. Русь: „Досуга *даромъ* не губя“.
Р. Б.: „Докучный, тѣсный, ежедневный“. „Русь: „Докучный, *черствый*, ежедневный“.
Р. Б.: „Все тотъ-же пылъ“. Русь: „*Упорный* пылъ“.
Р. Б.: „Меньшихъ братій“. Русь: „*Скорбныхъ* братій“.
Р. Б.: „Мелокъ вашъ удѣлъ“. Русь: „*Скуденъ* вашъ удѣлъ“.
Р. Б.: „Пышенъ плодъ“. Русь: „*Дорогъ* плодъ“.
Р. Б.: „Обиженный“. Русь: „Униженный“.
Р. Б.: „Въ дѣлахъ добра“. Русь: „Для правыхъ дѣлъ“.
Р. Б.: „Надеждамъ смѣлымъ“. Русь: „Надеждамъ пышнымъ“.
Р. Б.: „Слезу вдовицы“. Русь: „Слезу страдальца“.
Р. Б.: „Вновь возвратить стѣсненнымъ грудямъ
Просторъ и воздухъ въ душной мглѣ“.
Русь: „Хоть дать вздохнуть стѣсненнымъ грудямъ
Дать свѣта лучъ въ кромѣшной мглѣ“.

9. **Могучимъ юности призывамъ.**—Помѣтка: „Москва, Мартъ;“ въ одной рукописи: 1851 г. въ другой: 1852 г. Напечатано въ Московскомъ Сборникѣ 1852 г.

10. **„Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ“.** Помѣтка: „*Ярославль 25 Ноября, 1850-го года*“. Напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1856 г. № 1.

11. **Послѣ 1848 года.** Напечатано не было. Помѣтка: „*Ярославль 31 Декабря 1850 года*“.

12. **„Пусть сгибнетъ все“.** Помѣтка: „Петербургъ, 1849 г.“ Напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1859 г., № 6. Варіанты, встрѣчающіеся въ рукописи, не прилагаются, какъ отмѣненные самимъ авторомъ; удержана позднѣйшая редакція Русской Бесѣды.

13. **„Не дай душѣ твоей забыть“**. Помѣтка: *„1848 г.“* Напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., № 1.
14. **Авд. Петр. Елагиной**.—Помѣтка: *„1848 г.“* Напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1877 Т. II.
15. **Въ альбомъ невѣстѣ брата**.—Не было напечатано. Доставлено Григоріемъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ; относится къ 1848 г.
16. **„Свой строгій судъ остановивъ“**. Помѣтка *„1847 г.“* Напечатано два раза; первый—въ Кіевлянинѣ 1850 г. и второй разъ: въ газетѣ День 1863 г., № 1. Это стихотвореніе указываютъ иногда еще особо, какъ посланіе къ N. N. Но это—одно и то же стихотвореніе. Варіанты печатныхъ текстовъ довольно значительны; здѣсь удержана послѣдняя редакція 1863-го года.
17. **Отдыхъ** *„Въ жизни путь предназначивъ себѣ“*. Помѣтка въ рукописяхъ: 1847 и 1848 г. Напечатано два раза; первый—въ Кіевлянинѣ 1850 г. и второй—въ Русской Бесѣдѣ 1859 г. № 5. Такъ какъ печатается согласно позднѣйшей редакціи самого автора, то варіанты и не приводятся.
18. **Зачѣмъ душа твоя смирна**. Помѣтка: *„1847 г.“* Напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1859 г. № 5.
19. **„Мы всѣ страдаемъ и тоскуемъ“**. Помѣтка: *„1846 г.“* Напечатано въ газетѣ День 1862 г., № 29.
20. **„Бываетъ такъ“**.—Помѣтка: *„1846 г.“* Напечатано въ Современникѣ 1846 (Т. 44).
21 **—ой**. Помѣтка: *„Калуга 1846 г.“* Напечатано не было.
22. **Совѣтъ**. Помѣтка: *„1846 г.“* Напечатано въ Современникѣ 1846 г. (Т. 44). Относится къ Конст. Серг. Аксакову.
23. **Поэту**. Помѣтка: „1846 г.“ Напечатано въ Кіевлянинѣ 1850 г. Въ рукописи озаглавлено *„Поэту-художнику“* и состоитъ изъ 7-ми строфъ.
24. *Съ преступной гордостью*. Не было напечатано. Помѣтка: *„Петербургъ, 1845 г.“*.
25. **Andante**. Помѣтка: *„Калуга 1848 г.“* Напечатано въ Московскомъ Сборникѣ 1847 г.

26. *„Среди удобныхъ и лѣнивыхъ“*.
27. *„Вопросомъ дерзкимъ не пытай“*.
28. **Ночь**. *„Въ заботахъ жизни многосложной“*.
29. **Очеркъ**.
30. **26 Сентября**.

(26–30:) Напечатаны въ Московскомъ Сборникѣ 1846 г.

31. *„Не въ блескѣ пышнаго мечтанья“*. См. 32.
32. *„Много силъ и твердой воли“*. Это стихотвореніе и предъидущее напечатаны въ газетѣ: День 1862 г. № 45 подъ однимъ общимъ заглавіемъ: *„Разговоръ“* и отмѣчены цифрами 1 и 2. Второе носитъ въ рукописи еще заглавіе: *„Голосъ вѣка“*. Пропускъ, означенный многоточіемъ, въ рукописи заключаетъ слѣдующіе стихи.

„Ваше царство пасть готово,
Ваше благо—вредъ и ложь,
Вашъ законъ—пустое слово;
Ваша дѣятельность—тожъ“.

33. **Христофоръ Колумбъ съ пріятелями.** Помѣтка: „Астрахань, 1844 г.“ Напечатано было въ Москвитянинѣ 1845 г. № 2.

34. **Послѣднее стихотвореніе изъ прежнихъ.** Написано если не послѣ *Пророка*, то въ одно время съ нимъ въ 1860 г. въ Мюнхенѣ. Напечатано въ газетѣ День 1862 г. № 16.—Послѣ этого стихотворенія втеченіе 17-ти лѣтъ не было новыхъ—до послѣднихъ *„Варваринскихъ“* стихотвореній, писанныхъ уже въ 1878-мъ году.

35. **Варварино.**
36. **Ночь.**
37. *Среди цвѣтовъ поры осенней.*
38. *Еще морозомъ не побиты.*
39. **29 Ноября.**

Изъ нихъ авторомъ были напечатаны: *„Ночь“* въ газетѣ Русь 1884 г. № 1, и *„Варварино“* вмѣстѣ съ *„29 Ноября“* въ газетѣ Русь 1880 г. № 4, при слѣдующемъ примѣчаніи:

„Эти стихи никогда не предназначались для печати, но мы рѣшаемся ихъ помѣстить въ виду тѣхъ argumenta ad hominem, съ которыми при появленіи 1-го № Руси обратилась къ автору Страна и другія полемизирующія съ Русью газеты, коснувшись при этомъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ его личной жизни. Ред“.

40. **„Зимняя дорога.** Licentia poëtica“.—Напечатано было въ Московскомъ Сборникѣ 1847 г. Единственный пропускъ противъ рукописи означенъ многоточіемъ на страницѣ 104. Пропущены слѣдующіе стихи:

„Тотъ эгоистъ холодный и пустой,
Кто жизнь свою не посвятилъ народу;
Что-бъ онъ ни говорилъ про долгъ любви святой,
Про человѣчество, свободу“...

Они слѣдуютъ сейчасъ за стихами: „Да въ отвлеченности скитаться !.. Что касается до многоточія послѣ словъ: *„И смѣло ты“*.. оно значится и въ рукописи. Стихи: „Спадетъ твоихъ сомнѣній шелуха, сильнѣй восторжествуетъ чувство“.., не имѣютъ соотвѣтствующихъ и въ оригиналѣ.

41. **Бродяга.** Напечатано въ Московскомъ Сборникѣ 1852 года. Въ рукописи эта поэма много пространнѣе и никогда не была доведена авторомъ до конца. Когда онъ написалъ въ 1878 году нѣсколько стихотвореній въ Варваринѣ и прислалъ ихъ одному изъ своихъ пріятелей, то прибавилъ въ письмѣ еще слѣдующее: „Посылаю вамъ стихи, написанные мною послѣ 17-ти-лѣтняго перерыва! Это меня самого утѣшило. Очень можетъ быть, что я напишу и еще нѣсколько пьесъ и *прибавлю нѣсколько картинъ къ Бродягѣ*“. Такъ смотрѣлъ онъ самъ на свою недоконченную поэму, какъ на рядъ картинъ, пополненіе которыхъ всегда оставлялъ на волю своего вдохновенія.

42. **Жизнь чиновника.** Примѣчаніе объ этой пьесѣ помѣщено въ выноскѣ на страницѣ 153.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

[illegible]

Цѣна 1 р. 50 к.